

**НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ ИНСТИТУТА НОВОГО
ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (ИНИР) им. С.Ю. Витте**

**ИНСТИТУТ НОВОГО
ИНДУСТРИАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ (ИНИР)
им. С.Ю. ВИТТЕ**

**ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ И СТРАТЕГЕМЫ
ИНДУСТРИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

**МАТЕРИАЛЫ
НАУЧНОГО СЕМИНАРА**

**Санкт-Петербург
2018 г.**

Финансовый капитал и стратегемы индустриальной революции. /
Материалы научного семинара / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.:
ИНИР, 2018. – 87 с.

Институт
нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте

**ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ И СТРАТЕГЕМЫ
ИНДУСТРИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

*Редактор: Золотарев А.А.
Допечатная подготовка:
Чеканова Е.Е., Федоров А.В.*

Подписано в печать: 30.10.2018.
Тираж 1000 экз. 87 с.
Заказ № 2600452

МАТЕРИАЛЫ
НАУЧНОГО СЕМИНАРА

28 сентября 2018 года

Санкт-Петербургский Дом ученых им. М. Горького РАН,
Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 26, Дубовый зал

Отпечатано в печатном цехе ЗАО «Монетная»
197101, Санкт-Петербург, ул. Большая Монетная, 16

Санкт-Петербург
2018 г.

Финансовый капитал и стратегемы индустриальной революции. /
Материалы научного семинара / Под общ. ред. С.Д. Бодрюнова. СПб.:
ИНИР, 2018. – 87 с.

неэкономический сектор, тот, в котором мы сегодня живем и
каковым, как-то этого особенно не замечая, пользуемся – он не
только велик, да, но он растет. Он растет, и это, вот это – очень
важно, думаю, вывод сегодняшнего нашего семинара. И ответ на
заданный его темой вопрос.

Я благодарю вас за внимание, ровно без одной минуты два
часа. Спасибо.

ISBN 978-5-00020-054-4

ISBN 978-5-00020-054-4

© Коллектив авторов, 2018

© Институт нового индустриального
развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, 2018

следующего поколения, тем больше это работает. Этот фактор называется «доверие». Я могу сказать, что я не на свои только исследования, но и на исследования многих людей, которые занимались этой проблемой, ссылаюсь, что многие оценивают доверие как фактор, который является сегодня преобладающим как основной инструмент, собственно говоря, обеспечения нормальной хозяйственной деятельности. Потому что, несмотря на все договоры, на все документы, на все законы и прочее – если нет доверия к контрагенту, если нет доверия к деньгам, если нет доверия к институтам и т.д., результат будет негативный. Поэтому доверие – это очень важный фактор. Если мы начнем заниматься институтами, заниматься изменениями институтов, меняя вот эту парадигму доверия, то есть разрушая, мы к хорошему ничему не придем. В этом плане – надо быть очень аккуратными и осторожными с нашими рецептами.

Ну, и что еще я хотел сказать. Вот Виктор Владимирович Иванов выступал, мне очень понравилась детализация финансиализации как явления. Я в своем докладе не успел ничего по этому поводу сказать, кроме двух слов буквально, но его доклад очень хорошо эту часть дополнил, и мне кажется, для особенно молодежи, для молодых людей – очень важно было бы увидеть эту речь в таком развернутом виде.

И еще одно важное было наблюдение. Это – падение темпа экономического роста с увеличением, я бы сказал, давления финансового капитала. Это прозвучало и у Олега Олеговича, в его докладе. На мой взгляд, интерпретация вот этих всех вещей, она должна быть такая: она подтверждает, что глобальная ценность того, что производится, в стоимости, выраженная в деньгах, падает. Да. Падает, глобально падает, скажем так, а не растет, несмотря на все вот эти наши там заявления, что вот то, вот это все дороже становится, и т.д. Когда мы берем общую финансовую ситуацию и материальные ценности, которые у нас есть, мы видим, что соотношение падает. Это подтверждает наш тезис о том, что феномен ценности меняет свое качество, и теперь, когда мир приходит к следующему этапу развития человечества, ценность вещей будет падать. Удешевляться будет все, чем мы пользуемся.

И это корреспондируется с тем тезисом, который говорил Александр Владимирович Бузгалин. О том, что у нас

Содержание

Введение.....	4
Программа научного семинара.....	7
Вступительное слово С.Д. Бодрунова.....	8
Вступительное слово А.В. Бузгалина.....	10
Доклад С.Д. Бодрунова «Нооиндустриальный переход: роль финансового капитала».....	11
Выступление Р.С. Гринберга.....	26
Выступление Е.А. Ткаченко.....	32
Выступление К.А. Хубиева.....	35
Выступление В.В. Иванова.....	42
Выступление Е.А. Яковлевой.....	48
Выступление О.О. Комолова.....	57
Выступление А.В. Бузгалина.....	63
Выступление Д.Б. Эпштейна.....	71
Выступление В.И. Евсеева.....	78
Заключительное слово С.Д. Бодрунова.....	82

Введение

28 сентября 2018 г. в Санкт-Петербурге состоялся очередной научный семинар Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте по теме «Финансовый капитал и стратегемы индустриальной революции».

В семинаре приняли участие более 100 научных сотрудников, специалистов и студентов из Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургского политехнического университета, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ – филиал в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета и других учебных заведений Санкт-Петербурга.

С основным докладом выступил д.э.н., профессор, директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов С.Д. Бодрунов. Тема доклада «Нооиндустриальный переход: роль финансового капитала».

С обсуждением данного доклада на семинаре выступили:

Р.С. Гринберг – научный руководитель Института экономики РАН и Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, д.э.н., профессор, чл.-корр. РАН;

А.В. Бузгалин – руководитель Московского отделения Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, профессор кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор;

К.А. Хубиев – профессор кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова, д.э.н.;

В.В. Иванов – заведующий кафедрой теории кредита и финансового менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета, д.э.н., профессор;

Е.А. Ткаченко – профессор кафедры экономики и управления предприятиями Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д.э.н.;

финансирования строительных площадок в том и заключается, что деньги сначала лежат там, где-то, чтобы не пропадали, не инфляционировались совсем. А потом, когда нужно, дернули сумму, инвестировали в реальный сектор – это разве не финансовый капитал? Это финансовый капитал, на мой взгляд. Значит и второе замечание в поддержку Кайсына Азретовича.

Я хочу сказать, что я абсолютно согласен с тем, что у Трампа наблюдается самый-самый переход от финансового капитала, от поддержки финансового капитала к производственному капиталу. Это важнейший тренд, да, не знаю, вот, Руслан Семенович говорит, что, наверное, он поздно начал – не знаю, поздно начал, или рано начал, будет результат, не будет – не важно, тренд подтверждается. Вот это, на мой взгляд, в общем-то совсем важно.

И, наконец, третий тезис, который вы затрагивали, что нельзя раздавать просто деньги просто так, потому что от этого золотой дождь не прольется, трава не вырастет. Конечно, вырастет где попало трава, наверное. В том числе и сорная трава, и в том числе и финансовые капиталы, вывод капитала, и все, что угодно. Я имею в виду всегда следующее, две вещи: первое, я уже говорил об этом – это обязательно понимать, куда инвестировать. И второе – это понимать – как? То есть если мы будем просто так раздавать деньги, накачивать, без ума форсаж этот делать, финансовый, то результат будет тот, который у нас уже бывал. И мы не получим пользы без изменений институтов, без вот этих механизмов, которые сегодня некоторые коллеги предлагали, так или иначе, в смысле ограничения вот этого самого капитала. Я не говорю «ограничение» – сейчас я скажу об этом пару слов – как о границах каких-то. Но я говорю об институте ограничения. Если мы не будем этим заниматься, то, конечно, безусловно, деньги эти будут не использованы как надо. Поэтому это все – в одном флаконе, и то, и другое. Вот такое замечание.

Ну, я не буду говорить о том, что, значит, я тоже против тезиса «национализировать и посадить». Может быть, кое-кого и надо, но это не вопрос нашего исследования, это значит, что мы не должны возвращаться к упомянутому варианту. Потому что есть очень важный в экономике неэкономический фактор, который работает на экономику, и в наше время работает все больше и больше. Чем ближе мы к новому индустриальному обществу

я имею ввиду, пропорционально количеству зарегистрированных предприятий. Больше того, есть утверждения, что незарегистрированных сегодня руководителей такого рода бизнеса, малого бизнеса и т.д. больше в стране, чем зарегистрированных. Так почему люди регистрироваться не идут? Не потому, что они не хотят платить налоги, не идут регистрироваться, а потому, что это сразу влечет за собой огромную ответственность. Вот если мы вот эти институты начнем менять, правильно менять, хотя бы вот эти вещи, я думаю, что у нас форсаж включится сам, сам собой – если мы а) «правильно» дадим зарабатывать деньги, и б) дадим людям возможность эти деньги «правильно» инвестировать. Когда я приводил пример о том, что надо создавать условия, – мы подсказываем, вообще-то: вот они, условия. Ничего особенного делать не надо, надо сесть вместе с РСПП, с «Деловой Россией», с Союзом литейщиков тем же, с другими союзами, сесть и написать, что мы полагаем нужным было бы уменьшить, снизить, отменить и т.д. И потом внимательно посмотреть на реализацию; уже это бы снизило налоговую нагрузку, декриминализацию бизнеса и др.

И вот еще – не только налоговая нагрузка, а и нагрузка, которая есть начет на предпринимателя в связи со штрафами, экологией, поборами, и т.д. Нетарифные какие-то вещи, и прочее. Это все – не налоговая нагрузка. Это надо убирать. Это все позволит вовлечь в этот реальный, легальный бизнес, уложить в самосоздание этого форсажа дополнительно большие, серьезные ресурсы. Это – первое по этой теме.

Второе, я здесь хотел бы сказать следующее: да, во многом я согласен с Кайсыном Азретовичем Хубиевым, но поскольку Руслан Семенович критиковал своего коллегу и друга, я не могу не присоединиться к вопросу. Да, вообще-то, по моему пониманию, вот этот навес ценных бумаг и финансовый капитал – это одно и то же, по сути, на самом деле, на мой взгляд. Почему? Я откровенно говорю, я ведь еще и предприниматель, в том числе, а не только человек, занимающийся вот этими исследованиями. И я прекрасно знаю, что вот я перевел там, к примеру, в банк какую-то сумму, положил её не на депозит, а передал ему в управление, и мне тут же купят этих дериватов вот такую кучу! И как только захочу эти дериваты обменять на деньги, мне их на деньги обменяют. И мы профинансируем все, что надо. Больше того, один из способов

Е.А. Яковлева – профессор кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д.э.н.;

О.О. Комолов – старший научный сотрудник Института экономики РАН, доцент РЭУ им Г.В. Плеханова и Финансового университета при Правительстве РФ, к.э.н., доцент;

Д.Б. Эпштейн – главный научный сотрудник Северо-Западного НИИ экономики сельского хозяйства РАСХН, д.э.н., профессор;

В.И. Евсеев – президент Некоммерческого партнёрства «Союз литейщиков Санкт-Петербурга», д.т.н., д.э.н.

А.А. Золотарев, исполнительный директор ИНИП им. С.Ю. Витте, к.э.н.

**Программа
научного семинара
«Финансовый капитал и стратегемы
индустриальной революции»**

28 сентября 2018 года

Санкт-Петербург,
Санкт-Петербургский Дом ученых им. М. Горького РАН,
Дворцовая наб., 26, Дубовый зал

Регистрация участников семинара, презентация изданий
ИНИР – 10⁰⁰ – 11⁰⁰.

Открытие семинара – 11⁰⁰.

Научный руководитель семинара – С.Д. Бодрунов.

Основной докладчик – д.э.н., профессор, директор Института
нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте,
Президент Вольного экономического общества (ВЭО) России,
Президент Международного Союза экономистов С.Д. Бодрунов.

Тема доклада: **«Нооиндустриальный переход: роль
финансового капитала».**

Выступающие:

1. Гринберг – д-р экон. наук, профессор, чл.-корр.
Руслан РАН, научный руководитель Института
Семенович экономики РАН и Института нового
индустриального развития (ИНИР) им.
С.Ю. Витте;

безусловно говорил не о том, что финансовый форсаж нужен, это термин Якова Миркина, для роста, какого-то безусловного роста. А нужен – для изменения структуры этого роста, качества этого роста, или вообще может быть, не роста, а качества, качества жизни, качества развития экономики. И это могут быть и другие параметры, совсем не измеряемые в изобретенном, в середине 20-го века, параметре ВВП. Это вот первое такое замечание. И здесь я согласен с Русланом Семенович, можно и нужно говорить о приоритетах.

Я не стал говорить в своем докладе о механизмах, сегодня как раз коллеги некоторые предложения делали, раскрывали это очень замечательно. Но я могу сказать, что один из механизмов, на самом деле, очевиден абсолютно до безобразия. Этот механизм обычно не называется, но если мы говорим о сегодняшнем дне России, это – механизм облегчения вот той самой ситуации, которая сегодня есть у реального предпринимателя, у реального человека-инвестора, который инвестирует средства в промышленный, производственный капитал. Я могу привести такой один пример, чтобы было понятно, в каком месте мы находимся. Вот у нас, знаете, если человек ведет без регистрации какую-то деятельность хозяйственную, производит там кирпич, условно говоря, официально не зарегистрировался, шлепает кирпичи и продает – его можно наказать за что? За то, что он ведет незарегистрированную хозяйственную деятельность. И всё. Административный штраф и больше, как правило, ничего. В налоговую не ходит, налогов не платит, ни за что не отвечает. Применить к нему какие-то меры административного или уголовного воздействия невозможно, если он грубого преступления не совершил – так закон устроен. А вот если он зарегистрировал свой кирпичный заводик и начал там что-то такое делать, у него резко, в разы, в десятки, в сотни раз возрастает ответственность по разнообразным уложениям нашего гражданского и прочего законодательства. Налоги, экология, антимонопольщики. Могу сказать, что людей, наказанных за деятельность, которая не зарегистрирована в Российской Федерации, за последние 10 лет было аж 400 человек с небольшим. А людей, посаженных за то, что они нарушали те или иные уложения в ходе официальной хозяйственной деятельности (я не беру криминальные ситуации), уже посаженных в тюрьму, в сотни раз больше. Не говоря о том, какие штрафы и т.д. понесли эти люди. То есть в десятки раз больше,

С.Д. Бодрунов,
директор Института нового индустриального развития (ИНИР)
им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества
(ВЭО) России, Президент Международного Союза экономистов,
д.э.н., профессор

Заключительное слово
(стенограмма)

Уважаемые коллеги, Руслан Семенович поднял такой целый пласт проблем, что и мне заключительное слово, резюме нашего сегодняшнего мероприятия легче делать, потому что уже многие вещи Руслан Семенович, мы вот с ним тут в президиуме обсуждали, сказал. Хотя, как говорится, два юриста – три мнения, а вот три экономиста – это как минимум 5-6 мнений, и причем все верные. Но, тем не менее, я думаю, что каждый сегодня высказавшийся здесь, высказал не только свое наболевшее и свое понимание проблемы, но и в чем-то был прав, а в чем-то может и не очень прав. Я хотел бы сейчас со своей точки зрения, пользуясь тем, что все-таки я, так условно говоря, хозяин этого семинара, какие-то вещи сказать.

Уважаемые коллеги, я коротко, буквально тезисно, учитывая, что времени уже нет совершенно. Хочу сказать, первое: вы знаете, в одной из моих работ и работ института, несколько работ было по этому поводу, было хорошо исследовано такое явление, как ВВП. Мы пришли к выводу, что это – фетиш, ВВП. Что рост ВВП может быть симулятивным, фиктивным и каким угодно. И поэтому обращаю внимание на то, что вот сегодня все говорили о росте ВВП, росте ВВП, и только один человек сказал о качестве жизни, я бы сказал, качестве этого роста. На самом деле проблема не в росте ВВП, и уже мы понимаем, что вот те выкладки, которые Олег Комолов представил – Олег Олегович, извините, по имени назвал, потому что он молодой исследователь, и это замечательно – в какой-то мере подтверждают это. Подтверждают вот эту ситуацию, на самом деле, если внимательно на это посмотреть.

Что еще могу сказать? Когда мы говорим о финансовом форсаже, в первом выступлении Руслана Семеновича, я, конечно,

2. Бузгалин Александр Владимирович – д-р экон. наук, руководитель Московского отделения Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, профессор кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова;
3. Хубиев Кайсын Азретович – д-р экон. наук, профессор кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова;
4. Иванов Виктор Владимирович – д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой теории кредита и финансового менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета;
5. Ткаченко Елена Анатольевна – д-р экон. наук, профессор кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами Санкт-Петербургского государственного экономического университета;
6. Яковлева Елена Анатольевна – д-р экон. наук, профессор кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами Санкт-Петербургского государственного экономического университета;
7. Комолов Олег Олегович – канд. экон. наук, старший научный сотрудник Института экономики РАН, доцент РЭУ им Г.В. Плеханова и Финансового университета при Правительстве РФ.

С.Д. Бодрунов,
директор Института нового индустриального развития (ИНИР)
им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества
(ВЭО) России, Президент Международного Союза экономистов,
д.э.н., профессор

Вступительное слово
(стенограмма)

Уважаемые коллеги! Без минуты одиннадцать, начинаем.

Я рад видеть вас на семинаре и приветствую здесь молодежь, студентов, которые учатся у нас, у нашей профессуры, участников нашего семинара. Я приветствую также наших коллег из других научных учреждений Санкт-Петербурга, которые постоянно приходят на наш семинар. И рад приветствовать наших московских гостей, которые к нам приезжают, я бы сказал, не столько в качестве гостей, сколько в качестве постоянных участников семинара. У нас сегодня здесь присутствуют научный руководитель Института экономики Российской академии наук и научный руководитель Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте Руслан Семенович Гринберг, член-кор. Российской академии наук. У нас сегодня присутствуют много людей, которых часто видим на наших семинарах, не буду всех перечислять, чтобы кого-нибудь не забыть и не обидеть. Но по ходу семинара мы всех представим, кто захотел участвовать и записался.

Уважаемые друзья, я полагаю нужным, несмотря на то, что мы видим практически постоянный состав заинтересованных участников, но при этом – и некоторых новых коллег, сказать, что на наших семинарах мы в течение многих лет обсуждаем различные аспекты, проблемы индустриального развития – мирового индустриального развития и индустриального развития России.

Семинары проходят у нас достаточно эффективно, я считаю, потому что мы сумели обсудить очень много аспектов этой проблемы за эти годы, я не буду долго перечислять, но могу сказать, что мы добрались до многих вещей, которые составляют фундамент этой самой проблемы. Я могу сказать, что не всегда наши семинары

хочет работать, пусть не работает. Потому что тот, кто работает, в состоянии прокормить всех. Это – будущее. К этому идем. И это очень важная история. Ведь если мы пойдем в этом направлении, то можем построить коммунизм, так сказать, на основе еще рыночной экономики. Потому что я, например, не представляю себе координацию экономической деятельности без рынка, вот, трудно себе представить. Ведь я, вот, когда был при советской власти, я часто работал тогда в хозяйственном магазине, грузчиком подрабатывал. Там девушки, например, симпатичные девушки – они все время ждали, что их в тюрьму посадят. Поэтому пили водку, вино, и я вместе с ними. А почему они пили? И я бы на их месте тоже запил. Потому что они продавали хорошие вещи. Но хороших вещей при стабильных ценах на всех не хватает. И если ты продаешь перчатки за 5 рублей, по преysкуранту, а приходят твои подружки и говорят: «Продай мне за 7, а то и за 8, да я готова и 10 отдать». А они только за 5. А если они все-таки соблазну этому подвергаются – их сажают в тюрьму. Вот ведь это и есть мобилизационная экономика. Что, мы хотим такой жизни? Я бы, например, не хотел.)

Хорошо, я задам этот вопрос, раз я уж обещал. Вообще я хочу сначала два слова хорошие сказать про дискуссию.

А вопрос у меня такой, Вы хотите еще раз эту приватизацию закончить и новый тур объявить? Вот когда там, пусть ребята сдадут деньги, я в принципе не возражаю. Вот у Явлинского такая идея была, что надо одноразово взять у них сколько надо, а только не понятно, кому отдать и что делать, ведь только что говорили, что и так денег до фига, неизвестно, что с ними делать. Это серьезная проблема. Поэтому я хочу сказать, зачем у них отбирать? Во-первых, что никто же больше не поверит в рыночные отношения и в рыночную экономику. Правда, некоторые её хотят отменить, но это другой вопрос. То есть что, почему нужно у них деньги отнимать, когда нам не известно, куда их девать? А теперь у меня просто такое суждение есть: понимаете, мы все недовольны тем, что происходит. Но мне кажется, что не надо как-то в другую крайность переходить. Да, рыночная экономика находится под очень сильным давлением, она очень в тяжелом положении. Но ведь есть такая линия, есть такие простые решения, как у Трампа тоже. Ну, это тоже простые решения. Вот и здесь – простое решение, мобилизационная экономика. Это – очень опасная история. Мы это проходили ведь уже, было такое? Были ГУЛАГи. У меня даже ученые в академии наук часто говорят: «Вот как хорошо было, жены не мешали работать в шарашках с утра до вечера». Мое самое счастливое время при Берии было. Только Лаврентий Палыч обеспечил свободное творчество, причем без юмора, без ничего. Надо Лаврентия Палыча найти еще такого хорошего. Понимаете, здесь не нужно в другую крайность бросаться, я считаю, что есть очень хороший выход для мира – базовый безусловный доход. Это – единственное, на мой взгляд, решение, построить коммунизм без коммунистов. Потому что мы настолько уже сильны в технологическом развитии, что мир готов, по крайней мере, развитой мир, готов всех содержать. Мне, например, не нравится слово «паразитирующий», здесь часто было названо. Что такое – паразитирующий? Это что-то отрицательное. Это вроде – кто не работает, тот не ест. Но мы в другой реальности живем. Тот, кто родился, тот должен есть, и он необязательно должен работать. Ну, не хочу, не люблю я работать, ну и что? Значит, я все равно должен достаточно иметь, да, я все равно должен достойно жить. И тот, кто хочет работать, тот работает. А кто не

благостно, так сказать, проходят. Иногда есть и серьезные дискуссии, проходят они, тем не менее, эти дискуссии, доброжелательно, в творческом состязании. Руслан Семенович обычно дискутирует, но – в доброжелательном плане.

(Гринберг Р.С.: Да, до «боя» не доходит.)

Не доходит, да. Хотя дискуссии бывают жаркие. Но, тем не менее, у каждого есть свое мнение, и я призываю его не держать в себе, а высказывать. Почему? Потому что – поясню: вот только что мои студенты сказали (накануне я встретился с ними), что знают самый главный секрет. Какой? Что в споре рождается истина. Этот главный «секрет» мы с вами и будем сегодня добывать, и добудем, надеюсь, наверное, если получится. Материалы нашего семинара мы не таим, не держим их втуне, все материалы семинара редактируются членами-участниками семинара, просматриваются, да и мной просматриваются. И в таком удобоваримом виде («мордобой» исключается), мы всё публикуем, и считаем, что это позволяет нам и саму проблему рассматривать более широко, раздвигая стены семинара. И, кроме того, не забывать самим, что же мы рассмотрели, изучили за все эти годы. И какие у кого были мнения, идеи и мысли. Вот уже и одиннадцать часов. Так что – можно начинать.

Я передам слово нашему неизменному, бессменному и блестящему модератору Александру Владимировичу Бугалину, профессору Московского государственного университета и моему заместителю по Московскому филиалу Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, почетному профессору МГУ.

А.В. Бузгалин,
руководитель Московского отделения Института нового
индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, профессор
кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова,
д.э.н.

Вступительное слово
(стенограмма)

Коллеги, сегодня нам, действительно, предстоит серьезная интенсивная работа. Традицией семинара является развернутый доклад, с которого начинается наша дискуссия. Это – всегда доклад одного из ведущих ученых России. Сегодня основной доклад, как чаще всего у нас бывает, делает профессор Сергей Дмитриевич Бодрунов. Сегодня наш семинар посвящен проблемам финансового капитала. Мы будем обсуждать то, чем является финансовый капитал с точки зрения индустриального развития, прогресса человека и экономики. Модель семинара традиционна для научных встреч: сначала получасовой развернутый основной доклад, затем выступления дискуссионтов, ведущих профессоров научных и образовательных центров Москвы и Санкт-Петербурга, а после этого – короткая (или не очень) дискуссия. Кроме того, мне хотелось подчеркнуть, что этот семинар является во многом уникальным, таких семинаров в России очень мало. Хорошо, что этот семинар работает на регулярной основе. На этом я заканчиваю вступление и передаю слово основному докладчику – Сергею Дмитриевичу Бодрунову.

потребностей. Иначе – что может быть! – боюсь, что дальше при таком подходе мы упрямся в необходимость введения мобилизационной экономики со всеми «прелестями». Мы это уже проходили. Не знаю, надо ли это делать сейчас, но может получиться по жизни, что руководству страны придется поступить именно так.

К нам в Союз промышленников и предпринимателей СПб приезжают наши замечательные, великие экономисты, Аганбегян А.Г., Глазьев С.Ю., Ивантер В.В., мы в кругу членов Союза все эти проблемы обсуждаем. Причем, очень горячо и откровенно обсуждаем. И мы даем свои предложения в академическую науку, чтобы подпитать их фактурой, что происходит на самом деле в нашей обескровленной промышленности. Правительство на все предложения науки и промышленности не реагирует. Когда я задаю им вопрос: «Скажите, пожалуйста, что, по вашему мнению, еще должно произойти в стране, ну, может быть, в мире, чтобы наш президент понял, что правительство не реализует те указы, которые он же и формирует». И они мне отвечают: «Владимир Иванович, видимо еще мы не дошли до той точки, когда должны быть волевые решения». Так зачем же загонять ситуацию на край пропасти?

Вот моё предложение, что делать: просить Академию наук сформулировать комплекс мер по развитию экономики и промышленности, который уже имеется и обсуждался не один раз на экономических форумах, пожалуйста, мы вам поможем, давайте мы президенту нашему положим его на стол и скажем: «Ну, сколько можно?». Иначе никакого технологического прорыва и новой индустриализации не получится. Спасибо!

(Бузгалин А.В.: Владимир Иванович, спасибо, спасибо. Уважаемые коллеги, мы переходим к финальной части нашего семинара и сейчас, я думаю, будет правильно, если задаст вопросы Руслан Семенович, он уже давно это хочет сделать, затем – ответы на вопросы и заключительное слово дадим Сергею Дмитриевичу.)

(Бодрунов С.Д.: У Руслана Семеновича есть вопросы? Или замечания?)

(Гринберг Р.С.: Нет, я не хотел просто замечание, я хотел такой замечание-вопрос задать. Моему другу замечательному. Но – не знаю, задавать или нет.

В.И. Евсеев,
президент Некоммерческого партнёрства
«Союз литейщиков Санкт-Петербурга», д.т.н., д.э.н.

(Стенограмма выступления)

Уважаемые руководители нашего замечательного семинара, коллеги! Скажу тезисно. Спасибо большое – просто, наглядно, с юмором, с афоризмами. И что надо делать, тоже понятно. Что мешает? А мешает существующая экономическая политика и промышленная политика, вернее – их отсутствие. Я – инженер, не экономист по образованию, технарь, если выразаться просто. Но я стал экономистом по жизни, поучился у моих друзей и коллег в нашем ФИНЭЖе, если говорить по-старому, учусь у замечательного института, который возглавляет Сергей Дмитриевич Бодрунов и жадно читаю все их труды.

Так вот, у нас в реальном секторе экономики, в промышленности, в производстве – тупик полный. Мы не прошли массовую модернизацию технологического уровня российских промышленных предприятий. Нам сейчас, извините, навязывают «цифровизацию». Я тоже иногда употребляю афоризмы, поэтому скажу: «Друзья, я вас приведу за ручку на некоторые из наших заводов, их много – а это «Демидовские заводы времен Петра I» – и попробуйте там внедрить вот эти методы цифровой экономики!». Да, чем занимается Боровков А.И. из нашего Политехнического университета и многие другие компании – «цифровизация», «фабрики будущего» и т.д. – это магистральный путь, надо развивать. Конечно, здесь достигаются единичные положительные решения. Но сейчас опять наши руководители впадают в крайность, политика правительства и все средства направлены его усилиями именно туда. Давайте мы, все-таки, обратим серьёзное внимание на развитие технологического потенциала, на индустриализацию. Нам надо строить десятки, сотни, тысячи заводов современных, автоматизированных, с гибким производством, по отраслям, с мировым уровнем оборудования и технологий, в России для этого все есть. Тогда будет достигнут баланс возможностей и

С.Д. Бодрунов,
директор Института нового индустриального развития (ИНИР)
им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества
(ВЭО) России, Президент Международного Союза экономистов,
д.э.н., профессор

Нооиндустриальный переход: роль финансового капитала
(стенограмма доклада)

Уважаемый друзья, я буду произносить речь быстро, попытаюсь закончить за полчаса. Но мне коллеги будут помогать со слайдами, чтобы тоже быстро и оперативно, поэтому прошу внимательно следить. Начнем.

Я назвал свой доклад «Нооиндустриальный переход: роль финансового капитала». Я полагаю, что все участники семинара в какой-то мере знакомы и с моими работами, и с работами Института нового индустриального развития, коллег по институту, по тематике нового индустриального развития, нового индустриального общества второго поколения. Я соответствующие книги участникам семинара предоставлял, сегодня они также находятся в раздаче. Они предназначены для того, чтобы их просмотреть и обсуждать, поэтому я не буду детально вдаваться в те вещи, которые уже известны, пойду немножко дальше, опираясь на эти исследования.

Сегодня я хочу поговорить о той роли, которую играет в парадигме перехода к новому индустриальному обществу второго поколения и к ноообщественному устройству в последующем развитии тот феномен, который сегодня, пожалуй, подмял под себя и мировую экономику, и глобальное мироустройство, и – что особенно важно – человека современности, его, в преобладающей массе, мироощущение. Речь – о капитале.

Последние десятилетия все ярче проявляют нарастание перманентного системного кризиса, что, правда, признается не всеми. Несмотря на то, что драматическое падение мирового и страновых ВВП, вызванное финансовым кризисом 2008 г., судя по количественным показателям экономической статистики, успешно

преодолено, причины и предпосылки, вызвавшие обвал экономик ведущих стран мира, никуда не исчезли.

В современной экономике накопилось большое количество противоречий, которые постепенно перестают играть роль источника ее развития, так как их преодоление в рамках существующей парадигмы хозяйствования практически невозможно.

Одной из важных диспропорций, сформировавшихся в современной рыночной экономике, является диспропорция между финансовым и реальным капиталом. Эта диспропорция столь существенна, что мы можем говорить о «гиперразвитии» финансового капитала, которое мы рассматриваем как одну из угроз устойчивости экономики и одну из основных причин ее стагнации.

Итак, начнем с исторического аспекта проблемы.

Как принято считать в классической политической экономии, деньги и порождаемые ими финансовые отношения не являются обязательным атрибутом хозяйственной деятельности. Деньги – результат длительного исторического развития человечества. Они возникли вследствие развития экономики выше некоторого уровня, преодоление которого привело к возникновению устойчивого производства прибавочного продукта, который принял с течением времени форму товара.

Меновая торговля была неудобной и не всегда эффективной, это привело (в некоторых денежных теориях – стихийно, в некоторых – на основе сознательного принятия соответствующего индивидуального или коллективного решения) к появлению денежного эквивалента стоимости (ценности) продукта. Возникла и возможность аккумулировать стоимость в денежных единицах. Это привело к образованию денежных фондов (хотя это и не всегда были деньги в современном понимании – их функции могли выполнять скот, зерно, металлы и другие товары, выступавшие в качестве денежных эквивалентов).

Владельцы таких фондов стали использовать их для извлечения доходов. Источником этих доходов явилась плата за пользование заемными средствами. Например, в одном из первых документальных источников по регулированию экономических отношений – в т.н. Законах Вавилонского царя Хаммурапи – большое количество статей посвящено описанию правил совершения ростовщических операций.

пожаловаться, ликвидируются бумажные медицинские карты пациентов. Они теперь не могут увидеть, что написал врач об их здоровье и принятых мерах. И трудовые книжки ликвидируются, в том числе, возможно, и потому, чтобы вы не могли потом бодаться с государством, назначившим вам низкую пенсию.

Вернемся к нашей исходной теме – к прогрессу экономики и поднятию уровня жизни. Государству нужно не рассчитывать на автоматизм «цифровой экономики», а использовать такие пути, которые позволили бы нам действительно, за счет роста образования, науки, прямых государственных инвестиций в инфраструктуру и ведущие отрасли, перейти к более устойчивым и надежным темпам роста. Это должны быть не один-полтора процента, особенно смешные для России после многолетней стагнации. Это действительно должны быть 5, 6, 7 и более процентов. И нельзя отмахиваться от этого утверждениями, что важен качественный, а не количественный рост. Количество в этом вопросе тоже имеет значение, причем, ключевое. Спасибо за внимание!

(Бодрунов С.Д.: Спасибо, Давид Беркович, за пламенное слово. Думаю, много у Вас правильного и полезного. Но я все-таки придерживаюсь мнения, что присловье «счастье – не в деньгах, а в их количестве» – не должно быть в приоритете. Качество жизни – в нем ключ к счастью. Будет качество жизни – будет и ее «количество». А какой попало рост, даже и сверхвысокий, такого «количества» не даст. Богатые тоже плачут. Мы это в мире в режиме реального времени наблюдаем. Хотя, конечно, в рамках более быстрого роста вполне вероятен некоторый рост и качества. Но в целом – уверен, не стоит просто гнаться за ростом, особенно, если он обеспечивается ростом симулятивных услуг.

Я еще обещал Владимиру Ивановичу Евсееву, доктору технических наук, президенту Союза литейщиков, буквально две минуты – даем, да? Как мы договаривались – реплика.)

вдвое. Пришли бы они к нам, и на определенных условиях предложили свой рынок для нашей продукции. Конечно, надо суметь правильно договориться. Так, чтобы лет 20 лет мы темпы роста экономики в 10% ежегодно обеспечивали. Ей богу, было бы неплохо, даже если бы у нас беднейшие слои росли только на 5% в год. Я имею в виду рост уровня жизни. А у небольшого числа олигархов – пусть растет на 15%, если они такие ненасытные, ну и пусть 5-7% роста будет у всех остальных. То есть вопрос о темпах роста для России – ключевой, тут еще тоже есть над чем стоит подумать. Особенно – если учесть, что, оказывается, темпы роста экономики и производительности труда снижаются во всем развитом мире, в США, Европейском Союзе, Японии – до цифр, не превышающих 2%. Несмотря на рост цифровизации, несмотря на колоссальные финансовые ресурсы. Более того, чем выше уровень цифровизации, тем ниже оказываются темпы роста. И причина, на мой взгляд, не только в том, что в развитых странах дело упирается в отсутствие, скажем, таких возможностей, как у Китая, то есть в отсутствие избыточных трудовых ресурсов в сельском хозяйстве и широких возможностей сбыта за рубеж. А в том, что сам научно-технический прогресс становится все дороже. Растет капиталоемкость каждого процента роста. Плюс рост упирается в экологические границы. И получается, что не надо рассчитывать на очень высокие темпы роста в будущем от этой самой цифровизации, так как она «сама себя поедает», в том смысле, что на одного высвобождаемого требует 2-3 человека в смежные отрасли, в алгоритмизацию возникающих новых задач, в программирование, во ввод и обработку информации, в создание новых устройств, реализующих новые цифровые функции, в том числе, рабочих устройств. И т.д. И к тому же используется в социальной сфере далеко не всегда на пользу обществу. Посмотрите примеры цифровизации в медицине: в каждой поликлинике теперь появились десятки и сотни компьютеров, значит, требуются администраторы баз данных, ремонтники, и т.п. А скорости работы и удобств посетителям это прибавило маловато. Наоборот. Теперь врачи не с пациентом беседуют, а с компьютером, заполняя заранее заготовленные шаблоны и вписывая туда такие процедуры осмотра и обслуживания пациентов, которые они якобы делали, а на самом деле и не думали делать. А чтобы пациенты не могли увидеть это и

Подчеркнем, что первичные деньги (мы понимаем под этим термином в данном случае товар-эквивалент) были локальными. Их оборот охватывал сравнительно обособленные географические области. Таким образом, у разных народов (племен, родов и т.д.) появлялись разные денежные единицы. При взаимодействии этих хозяйственных общностей устанавливался «валютный курс». Деньги возникали «из денег». Это привело к зарождению того, что в будущем стало именоваться финансовым капиталом.

Оказалось, что эффективным (с позиций простоты совершения операций и затрат на преумножение денежных фондов) способом аккумулировать прибыль является совершение именно такого рода денежных сделок. При этом, очевидно, процесс развивался по нарастающей: вложение аккумулированной валютной прибыли в валютный обмен позволяло получать «деньги из денег» существенно проще с точки зрения «трудоемкости», количества усилий, чем усилий по добыче/производству и последующей реализации тех или иных товаров.

К этому стоит добавить изобретение связанного с этими процессами займа под "процент", аккумулирование "прибыли будущего". В итоге получило развитие, в силу большей простоты аккумулирования прибыли, ростовщичество. Этот финансовый институт стал весьма эффективным, т.к. он существует не в сфере производства товаров, где создаются человеческим трудом новые ценности, но в сфере обращения денежных фондов, где ценности лишь перераспределяются.

Эта эффективность, естественно, принципиально базируется на несправедливости. В ростовщических финансовых операциях выигрыш одних базируется на проигрыше других. Проникновение института ростовщичества в социальную «ткань» приводит к формированию и других институтов общества на несправедливой основе. Несправедливые финансовые отношения, базирующиеся на ростовщичестве, подчиняют себе прочие институты общества.

В первую очередь, как это ни парадоксально, – само производство.

Для характеристики масштаба и серьезности проблемы уместно вспомнить известный библейский сюжет, который касается «изгнания торговцев из храма» Христом. Он – не о торговле, а о ростовщичестве. В древней Иудее оно не просто получило

предельно оформленное развитие, но и через религиозно-государственное управление внедрено было в хозяйственный обиход едва ли не как "указание сверху".

Какова же была схема сформированной «религиозной» финансовой системы?

В Храме нельзя было жертвовать "неподходящее" животное (а жертва была обязательной согласно канонам религии), если оно не было одобрено "специальными людьми", которым иерархами Храма предоставлено было такое право. Поэтому было рекомендовано покупать "проверенную" жертву непосредственно при Храме. В силу очевидного монополизма такого рынка, цены на нем были завышенными, выгодоприобретатели такой ситуации – создатели рассматриваемой системы. Также было осуществлено введение специальной «храмовой» валюты (только ее и можно было жертвовать, а денежная жертва тоже была обязательной, даже введены были специальные "тарифы", дифференцированные в зависимости от категории прихожан и случаев жертвования). Таким образом, древний иудей, идя в Храм (что было обязательным), был обязан менять ходившие "бытовые" деньги на храмовые. При этом курс обмена устанавливали менялы, "офисы" которых (меняльные конторы), тут же, в Храме, и размещались. При необходимости эти менялы-ростовщики могли ссудить под процент и необходимую сумму.

Таким образом, это явление, проникшее в государственно-религиозный институт управления обществом и будучи им поддержано, стало подменять собой истинное содержание и смысл религиозных установлений. При этом оно издревле рассматривалось как непроизводительный (и потому, естественно, несправедливый – «не пахал, не сеял!..») вид деятельности. Потому, по нашему мнению, в том числе, и восстал Христос – возможно, первым явственно осознавший губительность этого явления для цивилизации.

В Европе ростовничество распространилось в Средние века.

Его расширение было связано с увеличением объемов торговых операций и численности купцов, использующих этот разрастающийся финансовый институт, а также с рассеиванием иудейских общин с их традиционным видом финансовой деятельности. Ростовничество полностью изменило лицо

ресурсов, олигархов и снижения инфляции, что имеет место быть. Мы говорим об этом более 25 лет, с 1991 года. Мы все время говорим, пишем, доказываем, что страна идет в указанном смысле не туда. И в других странах есть такие же противоречия и такое же направление теоретической и политической мысли. Говорим, пишем, доказываем, жизнь постоянно подтверждает нашу правоту непроходящим состоянием стагнации экономики России, а вот и ныне там. Государство... Ведь оно может прислушиваться к научно обоснованным взглядам, а может – и не прислушиваться, найти или прикупить себе иных теоретиков, советников и «научных консультантов». В чем же причина? Получается, что вопрос-то на самом деле не только и не столько в том, что говорить и предлагать, а вопрос, грубо говоря, о власти.

Казалось бы, у нас полная свобода мнений, свобода научной дискуссии. Говорите, пишите, и, если вы правы, то вы должны суметь убедить. Правда? Но вот Владимир Ильич Ленин издали, с дистанции как раз в 100 лет, говорит, что буржуазия сумеет нанять такое количество, так сказать, прислужников, квазинаучных работников и, особенно, журналистов, литераторов... и т.д., которое сможет заглушить и переиначить любой голос правды. Мы говорим: но как же они заглушат?! Ведь никто вроде не заглушает, за горло не берет, рот не затыкает... Но на деле реально пробить стену интересов деятелей финансового капитала, представленных во власти, получается нереально.

Вот тут – вопрос, вот тут – дилемма. То есть, переход к новой экономике не произойдет в нужное время и в нужной степени, если мы не будем рассматривать вопрос о власти, хотя бы в таком смысле. Без власти общества над средствами массовой информации, над процессом выборов и т.д. вряд ли мы перейдем когда-нибудь к этой новой экономике.

И еще один аспект темы я хотел отразить. Мы ждем от цифровизации, от новой экономики растущих бурно темпов роста. Вот, например, таких, как в Китае. Тут было сказано одним из выступающих, что высокие темпы роста экономики Китая, по 7% - 10% в год – это результат его глобалистской эксплуатации. А у меня такая мысль в связи с этим: вот бы кто-то нас, Россию, так поэксплуатировал. Сейчас зарплата и доходы на душу населения у нас раза в 3 ниже, чем в США, и даже темпы роста ниже примерно

3% банковского процента, будет стоить, как известно, 3300 рублей (100:0,33). Причем гарантий этих 100 рублей никто не дает, это лишь заверения эмитента. Эту бумажку можно продать за 3300 руб. Вот вам уже рост денежных средств в обращении: к прежней сумме денег добавилось без какого-либо реального, материального обеспечения 3300 руб. Этой бумажкой можно торговать, продавать даже выше этой цены. И ее можно превратить в живые, то есть – в наличные деньги. Или можно под эту акцию взять деньги долг. И если этот долг с достаточно высокой вероятностью будет погашен с прибылью, то можно под него выпустить новую акцию, новую бумажку. Пусть и с некоторым дисконтом, то есть новая акция будет стоить уже не 3300 руб, а дешевле, в зависимости от степени риска, например, 2500 руб. Она также увеличит количество денег в обращении. И т.д. Вот такой, несложный, в принципе, механизм. Это, по существу, финансовая пирамида. Понятно, что на каждом следующем шаге вероятность невозврата долга возрастает, и однажды эта пирамида рухнет в одном месте, а за этим следует падение курса ценных бумаг, связанных с данной, и затем падают отрасли, а, возможно, и вся экономика, как костяшки домино. Но этот механизм надо серьезно изучать. Он неотъемлемо связан с капитализмом, с долговой экономикой, с денежным хозяйством. Единственный путь, конечно, борьбы с этим явлением – это его государственное регулирование. И это было сказано и показано в докладе. Но вот каким оно должно быть, кто должен его осуществлять в интересах всех слоев населения, а не только владельцев финансового или промышленного капитала?! Если соответствующее регулирование осуществляется, тогда, в том числе – благодаря займам и акционерному капиталу, происходит рост экономики, инвестиции в инновации, финансирование науки, образования и здравоохранения, рост благосостояния всего населения, и т.д. Но это лишь при надлежащем регулировании, которое противоречит интересам дельцов финансового капитала.

В итоге мы приходим к третьему аспекту проблем, поднятых в докладе Сергея Дмитриевича. К вопросу о социальной направленности деятельности государства. Мы – сторонники той точки зрения, что необходимо государственное регулирование экономики и финансового сектора в интересах всех слоев, в интересах развития общества, а не только в интересах экспортеров

европейской культуры и общественного уклада. В дальнейшем этот финансовый институт стал важным фактором активного развития капитализма как нового общественного строя.

Однако на начальных этапах извлечение прибыли шло, преимущественно опосредуясь сферами производства и обмена товаров. Соответственно, и инвестиции должны были пройти сложный путь, обязательно включающий стадии производства и обмена.

Финансовый капитал был необходимым подспорьем в этом процессе. При этом, еще раз подчеркнем, преимущественную роль играл производительный, промышленный капитал.

Почему так происходило? Потому что первичной была потребность растущего общества в товарах – надо было "одеться и накормиться", что и дало возможность создать возникший на базе этой потребности гениально изобретенный человечеством индустриальный способ производства. Породивший капиталистическое (по Марксу) индустриальное общество.

С развитием капиталистических отношений роль финансового капитала росла. Финансовые транзакции, как мы указывали выше – это самый простой и быстрый способ извлечения/аккумуляции прибыли.

Стремительный рост промышленного производства формировал потребность общества в развитии финансовых технологий. Появились кредитные организации и соответствующий инструментарий. При этом развитие финансирования как института, финансовых инструментов и технологий, в силу более быстрой оборачиваемости капитала, осуществлялось более быстрыми темпами, чем развитие собственно производства, требовавшего бо'льших затрат и операций для извлечения прибыли.

На данном этапе для своего существования монетизированный эквивалент всё еще не мог обойтись без реального сектора экономики. Финансовые потоки в индустриальном обществе играли очень важную, но все же вспомогательную, обслуживающую роль в воспроизводственном процессе.

Но в дальнейшем финансы, будучи первоначально встроенными в процесс производства продукта, постепенно превратились, в силу своей природы, в равноценный, а затем – в

превалирующий элемент экономики. Реальный и финансовый сектор постепенно менялись местами. Финансовый сектор, по мере его разрастания, встраивал (и то – только в необходимых случаях!) производство в процесс извлечения прибыли.

Почему так происходило?

Мы выделяем две ключевых причины.

Во-первых, как мы указывали выше, бесспорно более простое/быстрое/эффективное аккумулятивное накопление прибыли в этом секторе экономики.

Во-вторых, капиталист ориентирован, в конечном счете, не на производство тех или иных товаров (скажем, масла или станков), а на извлечение прибыли, в любой ее форме. Эта форма может быть товарной (например, те же сапоги или огурцы), но лучше – в денежной, которая более удобна и универсальна.

В бесконечной цепочке движения капитала произошла смена приоритетов. Вместо Т-Д-Т она приняла форму Д-Т-Д'.

Новая формула привела к сдвигу в экономическом мировоззрении: деньги стали рассматриваться не как посредник между товарами, а наоборот. Отсюда – тренд выдавливания производительного капитала (более сложно устроенного и "добываемого") финансовым, подчинившим себе на современном этапе производственный капитал. В современных условиях этот тренд стал настолько значимым, что можно говорить о его фундаментальном влиянии на экономику.

Рассмотренный тренд особенно интенсифицируется, начиная с конца XIX века, что отразили в своих работах Р. Гильфердинг, В.И. Ульянов (Ленин) и др. В настоящее время в научных публикациях доминирование финансового капитала над капиталом реального сектора экономики получило название «финансиализации».

Причины и содержание этого процесса, однако, как правило, детально не раскрываются, дается лишь его количественная характеристика, хотя в последние годы появился ряд монографий и статей, в которых предлагаются различные авторские варианты анализа доминирования финансового капитала над реальным сектором экономики.

Следует понимать, что, поскольку аккумулятивное накопление осуществляется в денежной (наиболее, в силу простоты транзакций, ликвидной) форме, о при достижении пределов насыщения рынка

Второе. Обсуждая феномен финансиализации, стоит, на мой взгляд, обратить внимание на такой теоретически интересный вопрос: а почему, вообще говоря, объем средств в финансовом секторе, объем фиктивного капитала так быстро растет последние 30-35 лет, а рентабельность этого сектора не падает до уровня рентабельности отраслей материального производства? Ведь, казалось бы, опережающий рост фиктивного капитала, то, что мы называем финансиализацией, означает, что там повышенная норма прибыли. Деньги текут туда, где прибыль быстрее растет, где прирост денег, так сказать, легче «добывается». И что мешает, казалось бы, рынку, посредством межотраслевого перелива капитала, произвести снижение нормы прибыли к тому уровню, который, как минимум, равен норме прибыли промышленного капитала, а может быть – даже и ниже его?! Значит, есть какие-то причины, которые это тормозят! Получается, что, несмотря на очень быстрый рост финансового капитала, в особенности фиктивного капитала, снижения нормы прибыли в этом секторе не происходит. Не странно ли это? Если норма прибыли финансового капитала выше нормы прибыли капитала в материальном производстве, а риски сравнительно невелики, то должен бы произойти отток капитала из материального сектора в финансовый. А затем, из-за дефицита капитала в материальном секторе должно произойти повышение нормы прибыли в нем до уровня финансового сектора или даже выше. И так далее... Но мы таких регулярных колебаний вроде бы не наблюдаем. И, с другой стороны, видимо, есть причины, которые удерживают финансовый капитал в известных границах и делают его иногда определенным источником для промышленных инвестиций. Получается, что долговой финансовый капитал – это своего рода и «источник» для промышленного капитала, и «отстойник» для излишков капитала. Вот это явление надо рассмотреть, понять, объяснить. Я внятного объяснения этого явления не встречал. Конечно, корни быстрого роста фиктивного капитала идут от механизмов образования и функционирования акционерного и долгового капитала. Ведь в чем смысл и простой механизм выпуска новым предприятием акций? В расчете на будущие доходы и их рост выпускается бумажка. Она продается и покупается в расчете, что она обеспечивает будущую прибыль, например, в год – сто рублей. Поэтому она при уровне, например,

Позвольте теперь обратиться к некоторым другим аспектам темы, которые вызвали у меня желание выступить, дополнить.

Ну, во-первых, в части затронутой в докладе темы религиозных корней ростовщичества. Я бы хотел дополнить сказанное в докладе. Я не знаю точно, на территории какого из государств в Палестине, Иудеи или Израиля, была использована выработанная задолго до того в Риме практика обмена различных валют. Как известно, с определенного момента там образовались два государства. Впрочем, скорее всего, в обоих. Но в Иерусалим съезжались на религиозные праздники со своими деньгами паломники со всей Римской империи и из других стран, так что была реальная потребность в разменах валют. И, конечно, она производилась не в убыток менялам и Храму. Но стоит иметь в виду, что к тому времени в религии уже были выработаны не только денежные инструменты для обмена валют, но и методы борьбы с ростовщичеством, причем очень серьезные методы. И, в частности, в самой иудейской религии есть прямой запрет на ростовщичество. Просто запрет, ни много ни мало. То есть, согласно Торе, то есть Библии, иудей не мог дать в рост другому иудею, если они, конечно, верующие. Другое дело – это не распространялось на тех, кто не придерживался религии, они имели право, они могли просить и, соответственно, получать... Запрет на ростовщичество есть и в исламе. Но, кстати, его нет в христианстве, хотя и оно не одобряет ростовщичество.

Кроме того, в иудейской религии были выработаны такие важные инструменты против ростовщичества, как требование прощения долга через определенный период, через семь лет. Любой долг должен был прощаться через семь лет.

И важно помнить, что денежное хозяйство развивало с очень давних времен все средиземноморье. Задолго до иудеев денежное хозяйство развивалось в Древней Греции, где, кстати говоря, процветало ростовщичество, как и в Древнем Риме. И это понятно: в средиземноморских странах шла мировая торговля, поэтому развивалось денежное хозяйство. А торговля и денежное хозяйство не могут существовать без кредита, который и есть ростовщичество. Выделение здесь какой-то одной географической области или одной религии – это, так сказать, не совсем полная картина.

(удовлетворения реальных потребностей), но при неизменном сохранении желания капиталиста получать прибыль, неизбежно происходит изменение характера/типа удовлетворения потребностей и вида рынка. Вместо «рынка покупателя/потребителя» (формирующего преимущественно реальные потребности) формируется и все более растет «рынок продавца», который, в целях создания для себя новых источников прибыли, начинает активно влиять на предпочтения потребителя, в том числе стимулируя формирование и расширение т.н. симулятивных потребностей.

Меняется характер отношений в системе «потребитель – покупатель – рынок – продавец – производитель». И это изменение видно даже «невооруженным глазом». Например, буквально на глазах одного поколения изменился характер рекламных обращений. Если изначально реклама играла роль средства оповещения потребителя о товаре (давала ответ на вопросы: что? где? почём?), то сегодня, как правило, она приобрела довольно навязчивый характер и нацелена на внедрение в сознание потребителя мысли, что без очередного «супер-товара» (и уже чаще всего – симулятивного!) потребитель просто не сможет существовать – если не физиологически, то социально.

Современной рекламой как сублимированным «выразителем/провайдером» интересов финансового капитала стимулируется возникновение и развитие прежде всего симулятивных потребностей, что привело (и не могло не привести) к превалированию соответствующих товаров на рынках. Таким образом, финансовализация не только меняет соотношение между реальным и финансовым секторами экономики, но и изменяет структуру реального сектора, в том числе структуру материального производства, а в дальнейшем – и социальную структуру через изменение моделей поведения, ценностей и мировосприятия людей.

Отметим между прочим, что к перечню причин, способствующих возрастанию доминирования финансового капитала, относятся не только обусловленные его собственной природой (в частности, описанными выше особенностями – предельно высокими пенетрацией и реадiness-способностью и др.), но и развитием, как ни покажется странным на первый взгляд, производственного сектора.

Здесь мы ведем речь о создании качественно новых технологий и их активном применении в финансовой сфере как отклике на ее собственные потребности, а также об иных трансформационных процессах, вытекающих из прогресса технологий. Данные трансформации, с одной стороны, этим прогрессом обусловлены, с другой, финансовый капитал, как более гибкая и динамичная форма капитала, их более активно и результативно использует.

Так мы в первый раз в этом докладе вплотную подходим к заявленной в заголовке доклада проблеме – диалектике взаимосвязи процессов финансовализации и развития нового индустриального общества второго поколения (НИО.2), о котором я уже неоднократно писал и проблемам генезиса которого был посвящен ряд моих докладов на предшествующих семинарах.

Прогресс технологий материального производства как фактор экспансии финансового капитала – это прямая связь, так сказать, лицевая сторона медали. Есть, однако, и обратная. Ниже я специально покажу, что эта экспансия, вызываемая к жизни, в частности, экспансией технологий, характерных для НИО.2, приводит к тому, что вырастающий при помощи нового материального производства финансовый капитал пожирает своего родителя, усиливая по ходу своей эволюции процессы, периодически тормозящие эту эволюцию, воздвигая препоны на своем пути – подобно наносам в течении реки, образующимся вследствие этого течения, затормаживающие его на время и прорываемые образующимся напором течения; живой пример – современные процессы деиндустриализации и т.п.

Посмотрим пристальнее на «лицевую» сторону медали.

Бо'льшая гибкость и динамичность финансового капитала обусловлена различиями в инвестировании в разные сектора экономики. Между технологическими вложениями финансовых и производственных капиталистов имеется определенная разница. Промышленник-капиталист, как и финансовый капиталист, стремится к максимуму прибыли. В этой связи он минимизирует издержки; он будет, однажды освоив в производстве (сделав вложения в технологию и оборудование) некий продукт, производить его без изменений, «снимая сливки» (по Ф. Котлеру), до тех пор, пока не будет достигнут предел насыщения рынка данного

**Д.Б. Эпштейн,
главный научный сотрудник Северо-Западного НИИ экономики
сельского хозяйства РАСХН, д.э.н., профессор**

(Стенограмма выступления)

Прежде всего, хотел бы присоединиться к благодарностям С.Д. Бодрунову и А.А. Золотареву за организацию семинара и за очень содержательный, интересный, в известном смысле провокационный доклад, то есть доклад, ставящий новые вопросы, забегающий далеко вперед в том смысле, что ставит на повестку дня вопросы ноосферной экономики, где развитие определяется прогрессом знаний, где произошли соответствующие изменения в социальном строе. Мы в России, видимо, в самом начале этого движения, когда контуры этой будущей ноономики еще видны едва-едва, как туман, слегка просматриваются ранним утром, а впереди еще длинный, длинный день, или, как минимум, длинное утро.

Приведу пример в части сегодняшнего отношения к науке: мой институт – институт Российской Академии наук, позже – системы ФАНО, ныне – в подчинении Министерств науки и высшего образования, в котором зарплата профессора, главного научного сотрудника, каковым я являюсь, реально составляет «белыми» около 15,5 тысяч. Но сверху меня «убедительно просят» написать заявление о переводе на меньшее количество часов, чтобы оклад был порядка 40 тысяч при сохранении заработка тех же 15,5 тыс. руб. и, разумеется, полного рабочего дня. И это далеко не только в нашем институте. А новое министерство говорит о 100 тыс. рублей и более как о заработной плате в России при якобы небольших региональных различиях. Таким нехитрым, но крайне «приятным» способом выполняются так называемые «майские указы». Разумеется, при переходе на меньшее количество часов государственное задание институту и всем его подразделениям никто не меняет. Это – в порядке комментария к тому, что представляет собой сейчас наш нерыночный сектор, в частности, наука. Это – один из примеров, возможно, не самый лучший, но, не исключено, что и не самый худший.

достойную зарплату, которая позволит рабочим, когда они направят эту зарплату на потребление и удовлетворение своих потребностей, создание конечного спроса, и в результате этой длинной цепочки действий, в которую вовлечены все основные акторы экономики, экономика начнет расти. Но в случае реализации этого варианта даже для неспециалиста очевидно то, что в реальности значительная часть денег, направленных на ликвидацию последствий кризиса, уйдет в офшоры. И был второй вариант, абсолютно не рыночный: прямое вложение ресурсов в экономику из государственного бюджета – абсолютно не рыночный метод прямого инвестирования в духе госплана советских времен. Это метод, который использовал Китай, в результате обеспечив не 12% роста, как до кризиса, а «всего лишь» 7% роста, тогда как в России произошел 10%-ый спад экономики. Здесь я поставлю многоточие, поскольку отведенное мне для доклада время закончилось. Спасибо за внимание, я возвращаюсь к роли модератора.

(Бодрунов С.Д.: Спасибо – ну очень дискуссионное выступление! Но – так положено модератору.

Так, уважаемые коллеги, у меня есть для вас несколько небольших сообщений. Значит, первое – у нас все записавшиеся выступили, но у нас еще есть достаточно много записок, для желающих выступить еще. Но при этом у нас наше время ограничено двумя часами дня. Этот зал до 14 часов нам выделен. Иначе нас начнут скоро аккуратно выгонять. И при этом нам надо оставить хотя бы 15 минут на дискуссии, да? Поэтому у меня убедительная просьба, уважаемые друзья: я, к сожалению, не могу предоставить слово всем, да-да, надо заранее записываться, мы на сайте вывешиваем заранее информацию насчет семинара, все знают. Поэтому – прошу покороче и тезисно. Но все-таки я хотел бы, ну, я думаю, вы все меня поддержите, дать еще слово нашему постоянному участнику, профессору Давиду Берковичу Эпштейну. Я знаю, Давид Беркович, что вы так сейчас резко, покоммунистически, выскажетесь. И это тоже надо услышать. Прошу, Давид Беркович Эпштейн, главный научный сотрудник, Северо-западный академический институт сельского хозяйства.)

продукта, пока не произойдет насыщение потребности, пока не окупятся технологические инвестиции. Или, если он промахнулся с направлением вложений, пока не подтолкнет конкуренция. И только после этого будет инициировано усовершенствование, будет сделана инновация.

Заметим, что в древнем обществе не было активного инновационного процесса. Столетиями и даже тысячелетиями сами продукты и технологии их производства существенно не менялись. И так продолжалось до тех пор, пока не были изобретены деньги и прибыль. Инновации – ответ на требование удовлетворения все более возрастающих потребностей, удовлетворение которых, как я отмечал в своих предыдущих работах, через феномен осознания создает новые, все более расширяющиеся потребности.

Формирование финансовых институтов для получения прибыли активно содействовало развитию института инновации, придавая ему постоянное ускорение. И это – второй выход на проблему соотношения финансиализации и развития НИО.2.

Уместно здесь вспомнить тезис, активно обсуждавшийся в экономической науке начиная с середины XX века, не только обсуждавшийся, но также получивший закрепление в государственной политике многих стран, в том числе СССР. Речь идет об "ускорении НТП". Откуда оно взялось, это ускорение? Почему вдруг НТП возник, да еще и начал ускоряться? Не секрет, что в рыночной экономике главной экономической причиной этого являлось и является стремление к увеличению прибыли.

При этом развитие инноваций, ускорение их внедрения создает предпосылки для поддержки ими других процессов – в частности, через инвестиции (в погоне за прибылью) – и самого инновационного процесса, создавая описанный нами ранее эффект "ускорения ускорения" НТП. Итогом этого является, по мере накопления критической массы инноваций, периодическая смена технологических укладов.

В частности, сейчас современные технологии стремительно формируют новый технологический уклад, и в этот процесс «ускорение ускорения» инноваций дает основной вклад. Это – одна из базовых отличительных черт нового индустриального общества второго поколения (НИО.2). Кстати, отсюда следует несостоятельность постиндустриалистского тезиса, касающегося

"отказа от производства", и подтверждение нашего тезиса о сохранении его (в качественно новом виде) в роли основы нового индустриального общества второго поколения.

Теперь – о другой стороне финансиализации: о ее негативном влиянии на прогресс технологий, экономики и общества. Финансиализация, будучи вызвана к жизни в немалой степени прогрессом технологий, как и всякий паразит, начинает пожирать то тело, на котором и благодаря которому она выросла, вызывая перелив капитала из сферы материального производства (в том числе – инновационного) в сферу финансового посредничества. Но это не все. Она не только, в силу своей природы, вынужденно поддерживая и – да, время от времени ускоряя инновационный процесс, при каждой возможности, однако, тормозит развитие материального производства. Более того, она ориентирует его, как мы показали выше, на удовлетворение симулятивных потребностей и, тем самым, в немалой степени способствует экспансии последних.

Несколько слов в обоснование этих тезисов.

К чему может привести растущая финансиализация экономики, да и всего общества? Финансовый капитал, да и капитализм по своей сути в целом, требует постоянного получения дополнительного дохода (прибыли). Как это может быть обеспечено? По нашему мнению, имеется несколько путей.

Сначала – о втором пути. Он – симулятивный. Его суть – в дальнейшем разрастании финансового сектора и (по видимому), в перспективе, его полный отрыв от реального сектора экономики. Условно говоря, ключевая идея этого пути в том, что «деньги делают деньги», причем делают их «из воздуха». Очевидно, что это – тупиковый путь, в частности, глобальный кризис 2008 г. это убедительно показал.

А первый путь – производственный. Его суть – в расширении производства (подварианты – экстенсивно либо интенсивно, в количестве и/или в качественном отношении: это не принципиально, в данном случае эти вопросы носят тактический характер). То есть, здесь речь идет о создании нового продукта, а значит и прибыли, не из «ничего», не из «воздуха».

Но любое производство, что известно еще из классической политической экономии, в конечном итоге, – это создание продукта посредством приложения человеческого труда из вещества природы.

случае такой постановки вопроса мы выходим за границы этого рыночного пространства.

И тогда встают принципиальные вопросы.

Если говорить об экономическом развитии, о технологиях, то здесь создаются точно такие же пространства, а именно – пространства, в которых мы действуем нерыночными методами, действуем методом прямого общественно-государственного воздействия на экономику. И в данном случае деньги, которые мы будем расходовать на что-то в рамках этих пространств, будут уже планомерно-нормативными ресурсами, а не деньгами в точном политико-экономическом смысле этого слова.

Приведу последний пример в качестве иллюстрации этого тезиса: во время кризиса 2008-2009 гг. во многих странах встал вопрос – что делать, как спасать. И ответом было – «спасать при помощи государства», хотя, если исходить из принципов рыночной экономики, государству надо было бы сказать: «Друзья-финансисты, вы играли в «казино-капитализм» (термин не мой, его ввели американские исследователи). В казино люди не только выигрывают, но и проигрывают. Вы проиграли – значит, разоритесь. В результате вашего разорения не будет многих частных финансовых институтов, но что из этого? Ничего страшного. Несколько миллионов человек останется без работы, вы сможете пойти в школы преподавать, вы хорошо сможете преподавать арифметику, никаких проблем с таким трудоустройством не будет. Будете получать нормальную зарплату, вы ведь убеждены, что учителя получают достойное вознаграждение за свой учительский труд». Но государства большинства стран вместо такого рода действий (которые я выразил намеренно утрированно, но смысл при этом я сохранил полностью в соответствии с принципами свободного рынка) взяли деньги из карманов налогоплательщиков для помощи компаниям, пострадавшим во время кризиса.

Дальше же возникли две развилки. Развилка номер один: помочь погасить долги частных финансовых институтов в надежде на то, что частные финансовые институты вернут долги банкам в надежде на то, что банки за счет этих возвращенных им средств дадут кредиты реальному сектору в надежде на то, что реальный сектор эти кредиты использует для расширения производства в надежде на то, что при расширении производства рабочим заплатят

идет о том, что, на мой взгляд, ограничение виртуального финансового капитала может и должно идти нерыночными методами. Такая постановка вопроса может у кого-то вызвать в памяти образ матроса с ружьем – мы находимся недалеко от Зимнего дворца, который когда-то охранялся такими матросами. Прозвучит фраза «караул устал», или что-то в этом роде, в результате чего банк закрывается, и приходит матрос Железняк и становится новым директором банка. Но это – фантазмагорическая картина, речь же здесь идет о другом, а именно – о том, что для финансового капитала, как и для любых других рыночных транзакций, могут быть созданы коридоры, определенные рамки, в которых происходит этот процесс функционирования рынка и финансового капитала, и вне которых рынка нет. То есть, для рынка создаются некие пространства. В этих пространствах рынок функционирует, в них есть все условия для рынка, для финансового капитала, но одновременно сосуществуют с этим и другие пространства, в которых рынков нет. И каждый из нас с вами выбирает, в каком пространстве ему жить. Конечно, диффузия на границе будет, и огромные противоречия будут, от этого никуда не уйдешь, но сама постановка вопроса о том, что есть внерыночные, пострыночные пространства – на мой взгляд, очень важна.

И это – на самом деле выбор, который стоит перед каждым из нас, уважаемые коллеги, особенно перед молодым поколением. Стоит выбор, куда пойти: в финансовую корпорацию в надежде, что вас не заставят работать по 12 часов в сутки без выходных, а вы станете крупным финансистом через 5 лет и будете получать огромные деньги? Или учителем в школу, ассистентом в университет, младшим научным сотрудником в Академию наук. С зарплатой, которая позволяет умеренно жить и заниматься творческой исследовательской деятельностью, пользоваться общественным транспортом, но на которую не купишь, например, хорошую машину. Это – реальный выбор. Но это выбор – не такой уж мучительный, на мой взгляд, потому что заниматься наукой, преподавать гораздо интересней, приятней и талантливее, чем сидеть в офисе по 12 часов в сутки для того, чтобы потом на деньги, которые вы заработаете, пойти в фитнес-центр и наконец привести себя в порядок, для того чтобы потом снова по 12 часов в сутки сидеть в офисе. Выбор этот – не такой простой, безусловно. Но в

А природный ресурс – и это одна из глобальных проблем современного человечества – стремительно сокращается. Причем, вследствие становящихся преобладающими симулятивных потребностей, человечество перерабатывает природный ресурс во все большей степени не на удовлетворение реальных потребностей общества, а на, в конечном счете, отходы. Т.е., и этот путь – при сохранении экономических и социальных отношений в текущей парадигме развития оказывается тупиковым.

И вот тут-то мы наконец подходим к самому главному – к проблеме роли финансового капитала в осуществлении трансформации индустриального капиталистического способа производства в ноономику.

Проделанный нами в книге «Ноономика» сценарный анализ показывает, что растущая финансиализация, отражая сложившиеся к настоящему времени общественно-экономические реалии, способствует в силу своей природы ускоренному движению цивилизации к глобальному кризису.

Очевидно, что необходимо изменение парадигмы социального и экономического развития. Сегодня возникла настоятельная, жизненно важная и непреходящая (ОБЪЕКТИВНАЯ!) потребность в "ограничении капитализма", рационализации потребностей общества и способов их удовлетворения, переходе (при сохранении и развитии индустриального способа производства для удовлетворения реальных потребностей людей и отказе от наращивания потребностей симулятивных) к НИО.2 и последующему ноообщественному устройству.

При том, что такой ПЕРЕХОД (в том числе и приоритетно – вследствие эволюционирования финансового капитала как института в гипертрофированные формы) становится ОБЪЕКТИВНОЙ ПОТРЕБНОСТЬЮ человека-общества, мы имеем (также объективно!) ВОЗМОЖНОСТЬ реализации такого перехода – через ускорение ускорения НТП, в силу более быстрого, именно – «ускоренного» развития по сравнению с развитием экономических институтов, обеспечивающего переход хозяйственной деятельности человека из экономической в неэкономическую форму в рамках ноообщественной парадигмы развития – и, тем самым, НЕИЗБЕЖНОСТЬ такого перехода! Но в нооиндустриальном

обществе, материальный базис которого основан на неэкономических отношениях, исчезнет целевая функция экономических отношений – извлечение прибыли! А вместе с этим – и сам финкапитал как обеспечивающий данную функцию институт.

Мимоходом отвечу на напрашивающийся вопрос – исчезнет ли и инновационный процесс? Нет, поскольку он обеспечивается не только целями извлечения прибыли даже в экономическом обществе, но и иными целями – в частности, необходимостью удовлетворения человеческой потребности в творчестве, в творческом труде, каковая будет возрастать и достигнет базовой роли в нооиндустриальном обществе, где творческий труд станет главной потребностью человека.

Возвращаясь к докладу, сделаю важное замечание.

Эта теоретическая конструкция имеет абсолютно практический приклад – для нас, для России сегодня, для оценки трендов ее и мирового развития. Доминирование финансового капитала в России, возникшее и постоянно усиливающееся после развала СССР – основная, глубинная причина состоявшейся деиндустриализации и отката страны в социально-экономическом развитии на десятилетия.

Отсюда следует вывод, что требование ограничения финансового капитала в современной России должно рассматриваться как фактор реиндустриализации, необходимой для перехода к НИО.2. Без смены парадигмальных приоритетов декларируемые цели промышленной политики так и останутся красивыми лозунгами. Без эффективного контроля и целенаправленного управления финансовыми процессами не удастся создать предпосылки для перелома в технологической модернизации национального хозяйства и экономического лидерства в будущем.

Безусловно, не следует понимать призыв к ограничению финансового капитала как отказ от него уже на данном этапе. Финансовый капитал, имея двойственную природу, сегодня – не только создатель фиктивных благ и симулятивных потребностей, но и акселератор развития реального производства, в т.ч., в некоторой мере – инновационного процесса. Поэтому правильнее понимать на данном этапе предлагаемые ограничения как переформатирование механизмов его использования (от превалирования к обслуживающей роли) в целях возврата его к исходной и позитивной

профессора С.Д. Бодрунова, который был представлен в начале нашего семинара. Причиной этого является финансовый капитал в его качестве «паразитического посредника», а не источника воспроизводства, обеспечивающего технологическое, экономическое и социальное развитие.

Когда финансовый капитал перестает быть главным источником воспроизводства технологического, экономического и социального развития, он порождает, ускоряет дальнейшую виртуализацию денег во втором смысле, т.е. вызывает превращение денег в «как бы деньги» и их отрыв от своего качества всеобщего эквивалента. Этот процесс сегодня развивается очень активно. Более того, он приобретает неожиданное качество зависимости от функционирования экономического процесса, т.е. от тех, кто эти деньги «делает». Сегодня деньги «делает» не только система государства. Федеральная резервная система (ФРС) США, как многие знают – это частный институт, за которым стоят крупнейшие банки Соединенных Штатов Америки. Большая часть ФРС – это 10 крупнейших банков США. И это и есть «сделанный» финансовый капитал, являющийся продуктом субъектного и субъективного, зависящего от воли и сознания участвующих в этом процессе акторов. Такие действия становятся на самом деле угрозой для мирового экономического процесса.

Дальше встает вопрос о поисках решений проблем, которые возникают вследствие того, что деньги а) продукт фиктивного финансового капитала, б) виртуальные, двояковероятностные, обращаются в киберпространстве, 3) являются продуктом деятельности субъектов, а не некоторым объективным феноменом, каковым было золото, выступающее в качестве мирового всеобщего эквивалента. В результате встает вопрос, что дальше? Один из ответов был представлен в докладе профессора С.Д. Бодрунова. Отмечу, что во многих ключевых положениях я с его позицией согласен. В принципе, будущее – за отмиранием финансового капитала как главного регулятора экономического процесса. Промежуточный шаг состоит в подчинении финансового капитала задачам экономического и социального прогресса, и прежде всего – прогресса Человека.

Что касается механизмов этого процесса, то здесь я хотел бы немного подискутировать с предшествующими докладчиками. Речь

все вышеназванное характерно только для пространства рыночной экономики. А за пространством рыночной экономики всегда лежало то, что не покупается и не продается. Студентов при рассмотрении темы денег я всегда прошу перечислить, внимательно и вдумчиво, что нельзя купить и что нельзя продать. Бывают очень глубокие ответы на этот вопрос, но часто встречаются и ответы, что купить и продать можно все.

Итак, деньги в пространстве рыночной экономики – это всеобщий эквивалент, т.е. товар, который обладает свойством всеобщего эквивалента, свойством потенциального удовлетворения потребностей во всем, что можно продать и купить. Но как только появляется фиктивный капитал, деньги становятся зависимыми от деривативов, от всего того, что обращается на финансовом рынке: от акций, облигаций, фиктивного капитала и от производных денежных инструментов. Выясняется, что это «как бы деньги». Когда мы доходим до агрегата МЗ, в который входит огромное количество «не совсем денег», как их можно назвать простым языком, то выясняется, что эти «не совсем деньги» в любой момент могут превратиться в ничто. Деньги теряют свое качество всеобщего эквивалента и становятся продуктом капитала. В России то, что деньги могут превратиться в ничто, старшее поколение не раз испытывало на своем практическом опыте: сбережения советских рублей превратились в ничто на протяжении нескольких месяцев, во время дефолта сбережения постсоветских рублей уменьшились в несколько раз за короткое время, по мановению волшебной палочки лиц, принимающих решения, курсы валют в настоящее время испытывают серьезные колебания. Все это свидетельствует о том, что деньги перестали быть в полной мере всеобщим эквивалентом. Попав в киберпространство, деньги превратились в виртуальные. Слово *virtual* в английском имеет два значения: виртуальный, располагающийся в интернет-пространстве, в кибер-пространстве, и второе значение – то, что какой-либо феномен вероятностен. То есть виртуальные деньги – это «как бы деньги», «возможно деньги», «только с некоторой степенью вероятности деньги как всеобщий эквивалент». Почему же происходит это превращение, подрыв качества денег, благодаря которому они, собственно, играли свою историческую роль на протяжении длительного времени? Ответ на этот вопрос последовательно был развит в основном докладе

функции – поддержке развивающегося новоиндустриального сектора и акселератора, тем самым, включения российской экономики в 4-ю индустриальную революцию.

Необходима трансформация финансового капитала, превращение его из паразитического нароста на экономике и обществе, генерирующего симулятивные потребности и иррациональные способы их удовлетворения, в акселератор инновационного развития реального сектора по пути перехода к НИО.2 и, далее, ноономике.

Таким образом, перед нами вырисовывается стратегема нооиндустриальной революции. В нашем понимании стратегема – это (в широком смысле!) некие комплексы/последовательности объективных событий в стратегических направлениях развития избранного предмета, в данном случае – нооиндустриальной революции (которая, как мы подозреваем, есть технологический/базисный элемент перехода к НИО.2 и, далее, к ноопроизводству, ноообществу).

Подытожим: финансовый капитал, развиваясь исторически, из слуги индустрии (и технологического прогресса!) превратился в его хозяина, сеньора, сюзерена. Как таковой он – финансовый капитал, – имея двойственную природу, с одной стороны, вынужденно способствовал технологическому прогрессу, а с другой превращался во всё большей степени в его тормоз. В исторической перспективе это противоречие должно разрешиться таким образом, что он вновь станет слугой развития производства и общества – на весь, что называется, оставшийся ему век, вплоть до его ликвидации. Причина – в базовой стратегеме НТР, которая состоит в опережающем развитии технологий по сравнению со всеми иными аспектами развития, причем с «ускорением ускорения», что должно неизбежно привести к переходу к неэкономическим формам хозяйствования (и удовлетворения потребностей!) и исчезновению (гибели!) финансового капитала!

Две позиции – в заключение. Абсолютно практические, вытекающие из логики наших рассуждений.

Первая. В настоящее время инновационная функция капитала еще не изжила себя и может быть поставлена на службу рациональному цивилизационному развитию. Опыт многих стран в предыдущие десятилетия показывает высокую эффективность т.н.

"финансового форсажа" (термин Я. Миркина), когда за счет форсированных финансовых вливаний в реальный сектор экономики ряда стран наблюдался мощный экономический рост – именно по той причине, что в результате создавались новые инновационные продукты, новые реальные потребности и дополнительные рынки. Для России этот опыт, подтверждающий сохранившуюся на данном историческом отрезке развития цивилизации инновационную функцию финансового капитала, бесценен.

Нам необходим как воздух этот самый финансовый форсаж – но не просто накачка экономики деньгами, а целенаправленные вливания в инновационные прорывные направления технологического развития. Какие – мы много раз говорили – те, которые создают т.н. новую экономику очередного технологического уклада: создающие продукты на базе инфо-когни-нано-био-генно- и т.д. технологий.

И вот здесь отвлекусь на секундочку, скажу – вчера я был на заседании Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, и там один из докладчиков говорил о чем? О том, что Министр промышленности Денис Валентинович Мантуров как раз назвал эти самые технологии, которые нам необходимы, которые нам нужно развивать. И назвал примерно те же, что я сейчас обозначил. А ниже на том слайде была другая фраза, которая принадлежит премьер-министру, господину Медведеву, который говорит: нам надо создать условия для того, чтобы вот эти вот самые прорывные технологии развивались, и т. д. и т. п. Кто бы спорил, да? В кулуарах сразу зашелестел народ – а деньги, а деньги, а деньги? Где деньги на все эти вещи? И так денег как бы вроде нет, а «держаться надо»...

На самом деле, коллеги, я вот здесь тоже спросил бы, а есть ли у нас средства? Да! Таков мой ответ. Да, я это утверждаю, и я много лет об этом говорю. Мы имеем огромные и плохо используемые деньги. Наши ЗВР переразмерены примерно втрое, банковские активы в разы превышают ВВП, триллионы рублей россиян лежат под подушкой. И практически ничего ни во что не инвестируется. Я не привожу цифр, отсылаю вас к новой книге академика А.Г. Аганбегяна "Финансы, бюджет и банки в новой России", где есть масса выкладок, подтверждающих приведенные выше утверждения. В случае такого рационального использования

деньги, а деньги — это то, чем занимается министерство финансов, подтвержденный всевластием министерства финансов в России, на самом деле является некорректным.

Второй тезис, который мне хотелось бы подчеркнуть, который был представлен сегодня в основном докладе профессора С.Д. Бодрунова – это исторический взгляд на развитие денег и финансового капитала. Такой подход является нетипичным. Сегодняшняя экономическая теория живет в одномоментном срезе локального пространства. Временного измерения как бы нет, качественных изменений, происходящих на наших с вами глазах, как бы нет, за исключением тех случаев, когда вдруг появляется Биткоин, или что-то еще, все вдруг начинают осознавать, что что-то может измениться. Между тем, деньги претерпели качественное изменение, превратившись сначала в капитал, потом в финансовый капитал. Точнее, до этого еще фиктивный капитал, потом финансовый капитал, который затем стал виртуальными, а сейчас вообще уходит в сферу неопределенного киберпространства в виде криптовалют. Это все произошло на протяжении чуть больше, чем ста лет. Возник феномен, который привел, на мой взгляд, к качественному изменению денег и поставил под вопрос само их существование. Кстати, еще один интереснейший тезис доклада, на который прошу всех обратить внимание и который, к сожалению, не был акцентирован. Это то, что у финансового капитала, у денег есть историческая граница, и связана она с переходом к новому качеству общественной жизни экономики и материального производства, к тому, что в книге профессора Бодрунова называется ноономикой.

Сначала скажу кратко об этих качественных переходах. Первое: деньги – это товар особого рода, который появляется на мировом рынке, имеет стоимость. Чтобы золото вышло на рынок, его надо добыть и отчеканить монету. Это труд, который имеет универсальную форму. Второе: на этой основе деньги превращаются во всеобщий эквивалент. Для студентов я часто привожу пример джина: потеряли волшебную лампу Алладина, появился джин и готов исполнить любое желание хозяина лампы. Деньги – это своего рода аналог джина в реальной жизни: если вы вынимаете из кармана банковскую карту, желателно платиновую, за которой стоит соответствующий счет в банке, вы получаете возможность купить все, что продается. Но отсюда тут же возникает еще один момент:

Учитывая тот неоспоримый факт, что люди живут не только в США и Западной Европе, мы можем дать, вслед за историческим исследованием, представленным в докладе профессора С.Д. Бодрунова, достаточно неожиданный ответ на вопрос, когда люди стали жить в денежном мире. Я перефразирую этот вопрос и спрошу о том, когда большинство жителей земного шара стали грамотны, умели массово читать, считать и писать. Без этих умений денежный мир невозможен. Ответ будет достаточно прост: примерно в 20-е-30-е годы 20-го века, при самой оптимистической оценке. До этого же можно сказать, что в мировых масштабах люди производили и потребляли в большинстве своем, не опосредуясь деньгами. Это – довольно неожиданный ответ.

Второй момент, который мне хотелось бы подчеркнуть, и который был в теоретической форме представлен в докладе, я сейчас представлю для молодых участников нашего семинара. Скажите, пожалуйста, а в современном мире существуют внеденежные пространства, в которых можно производить и потреблять так, чтобы деньги при этом не имели никакого значения? Я отвечу на этот вопрос утвердительно. И в качестве примера приведу то, что я не знаю такого студента, который бы не брал бесплатно из бесплатного источника бесплатно созданную важнейшую продукцию современного мира – информацию. Мы все ее берем из Википедии, из Google, и т.д., и т.п. И даже книги на нашем научном семинаре сегодня распространяются бесплатно. Авторы этих книг бесплатно делятся тем, что они наработали за последние месяцы, годы и десятилетия исследовательской работы. Аналогично, бесплатно делятся знаниями и профессура, и студенты, и молодые исследователи – во время семинаров, конференций и т.п. научных и образовательных мероприятий. Таким образом, огромное пространство человеческой деятельности – прежде всего, креативной деятельности – лежит в сфере, где денег нет и они не нужны. Не нужны как предпосылка.

Это небольшое введение, но очень важное. То есть, деньги и тем более финансовый капитал – это исторический феномен. Это – первое, на что я бы хотел обратить внимание в своем докладе. Причем это – феномен, имеющий не такие безумные исторические пространственные границы, как это кажется подчас нам сегодня. Тезис очень многих великих экономистов о том, что экономика – это

финансовых ресурсов мы смогли бы полезно воспользоваться инновационной компонентой института под названием финкапитал. Стать экономическими лидерами будущего, поскольку экономические лидеры будущего – лидеры технологические!

Вторая позиция.

Анализируя современные мирохозяйственные и военно-политические процессы, следует указать и еще на один эффект неконтролируемой финансиализации. Непрерывный рост финансового капитала, как концентрированное выражение потребности капитализма (в марксовом понимании) в непрерывном извлечении прибыли, требует непрерывного расширения рынка, создания потребности получать и сбывать продукт снова и снова. Но расширение экстенсивное ограничено, а интенсивное – не всегда выгодно, так как сопряжено с дополнительными затратами и рисками. Тогда возникает соблазн расширить рынок не за счет освоения новых пространств или новых изделий, а ... путем уничтожения уже созданного/накопленного!

Способ «расчистки» рынков, к сожалению, хорошо известен. Это – война... И у нее, в эпоху капитализма, есть экономическая подоплека. Если ценности (запасы товаров, инфраструктуру и т.д.) выгоднее уничтожить – капиталист их уничтожит. Война, при таком взгляде – не что иное, как «зачистка» социально-экономического пространства для новых рыночных экспансий. При этом – чем мощнее финансовый капитал, тем проще его собственникам представляется такой способ его наращивания. В настоящий момент ситуация в мире становится критической: человечество находится на развилке истории. Нас ждет либо окончательная «победа» финансового капитала в его негативном проявлении и весьма вероятная последующая «расчистка» рынков (в той или иной, в т.ч. военной, форме), либо будут найдены способы его ограничить и сформировать НИО.2.

Естественно, что, если мы хотим сохранить нашу цивилизацию, второй путь нам видится не только предпочтительным, но и безальтернативным.

Спасибо за внимание!

Р.С. Гринберг,
научный руководитель Института экономики РАН и Института
нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте,
д.э.н., профессор, чл.-корр. РАН

(Стенограмма выступления)

Уважаемый председатель, уважаемые дамы и господа! Сергей Дмитриевич Бодрунов сделал очень последовательный доклад по поводу гипертрофированного влияния финансового сектора на экономику мира. Это действительно так. Но последние события в мировой экономике как бы эту тему отодвинули на второй план. Благодаря тому, что в мире происходят очень серьезные сдвиги, даже мировоззренческие сдвиги, не говоря уже о политических, финансовая тема отошла на второй план немного. Потому что торговые войны, все против всех, ситуативные альянсы, появление Трампа вообще вызвало совершенно новое представление о ценностях. И, конечно же, финансы уже меньше обсуждаются.

Но на самом деле, есть некий феномен, о котором говорил Сергей Дмитриевич, а именно, об этом самом финансовом капитале, который из слуги превратился в господина. И надо сказать, что этот феномен настолько широко распространился по всему миру, что даже можно говорить о появлении и укреплении такой структуры, как мировая финансовая номенклатура. От США до Китая существуют силы, которые заинтересованы в сохранении статус-кво, которые заинтересованы в господстве и доминировании финансового капитала. Я вообще очень не люблю конспирологические теории, есть такой, знаете, по-английски, конспиреси, да, а есть еще стьюпидити, теория глупости. Она, мне кажется, больше пригодна для объяснения тех феноменов, которые у нас происходят и в мире, и в России. Это отдельная тема. Но все-таки важно отдавать себе отчет в том, что совершенно естественным образом возникла эта номенклатура, и это очень важно, потому что очень сложно даже начать борьбу. Потому что, казалось бы, кризис 2008-2009 явно показал, что культура безответственности, безответственного кредитования, кризис, который начался с кризиса

А.В. Бузгалин,
руководитель Московского отделения Института нового
индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, профессор
кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова,
д.э.н.

(Стенограмма выступления)

Мы сегодня обсуждаем очень многогранную тему, и, естественно, спектр выступлений варьирует от характеристики конкретных проблем финансовой жизни мира и России до прогнозов будущей посткапиталистической революции. Мне хотелось бы вернуться, прежде всего, к нескольким ключевым положениям доклада, которые мы выслушали, и подчеркнуть значение тезисов, на которые часто не обращают внимания. Прежде всего – это тезис об историческом развитии финансового капитала (и в исходном пункте – даже еще не финансового капитала) и денег. Нам представляется, что деньги и финансы – это нечто вечное, более того – это единственное пространство жизнедеятельности экономики. Так чаще всего мы смотрим на этот феномен, даже не задавая себе вопроса «Когда же большая часть человечества стала жить в условиях денежного мира?». Этот вопрос в той или другой форме я постоянно задаю студентам, иногда и профессорам, в самых разных странах мира. Ответы на этот вопрос варьируются от 3-го тысячелетия до нашей эры до начала 20-го века нашей эры. И такой разброс не случаен. Прежде всего, мы, профессиональные исследователи, сами до сих пор с трудом осознаем, что люди живут не только в США и в Западной Европе. Подавляющее большинство научных работ посвящено именно этим экономикам, и только в довольно узком круге специальных исследований рассматриваются проблемы так называемой «development economics». Пожалуй, лишь в последние 10-15 лет все больше экономистов стали признавать правомерность включения в научный дискурс проблематики Китая, и в меньшей степени – Индии и других стран со стремительно развивающимися рынками.

четырёхсотмиллионную Европу плюс трёхсотмиллионную Америку. Почему? Потому что китайский рабочий настолько беден, что не может купить товары, которые сам же произвел. Внутренний рынок китайской экономики очень узок, потому что Китай долгое время развивался за счёт дешёвой рабочей силы.

Так вот, к чему я это все говорю? К тому, что капитализм, уже однажды придя к кризису, к границам своей экспансии, в 70-е годы, смог преодолеть этот барьер. Он поглотил Советский Союз, он поглотил социалистический мир, он вторгся в Китай, он вторгся в некапитализированные страны мира, однако сейчас – этот предел вновь видится на горизонте. И нового источника для паразитирования у современной мировой экономики уже нет. А значит, старые производственные отношения вступают, в противоречие с имеющимися производительными силами. А по законам исторического материализма – это является преддверием социальной революции, которая призвана будет разрушить производственные отношения неолиберализма, основанные на глобальном паразитизме.

(Бузгалин А.В.: Спасибо, Олег!

Я сейчас расскажу все-таки немножко о другом, и действительно буду выступать сейчас. А за тем, чтоб я не превысил регламент, последит Сергей Дмитриевич Бодрунов или Руслан Семенович Гринберг, или кто-нибудь, в общем. Будьте суровы.)

(Реплика из зала: Мы обязательно будем суровы. Помним, как Вы, так сказать, всех останавливали, часы показывали...)

ипотеки в США, полностью доказал абсолютную бесперспективность вот этого господства финансового капитала. Но почему-то ничего не произошло. Ну, кого-то в тюрьму посадили, это, слава Богу, существует такая опция еще. Кто там очень много нажил на этом кризисе. Но, в основном, в общем, все продолжается. И многие левые, и правые, и центристы считают, что опять надувается финансовый пузырь. И, похоже, что вот эта система стимулов, приводящая к надуванию этого финансового пузыря – она продолжает успешно жить.

И здесь надо сказать о том, что есть всякие предложения, чтобы это ограничить. Предложения академических ученых, которые имеют малое значение в современном мире, но это очень важно.

Я хотел бы сказать несколько афоризмов, так вот для того, чтобы обсуждение темы делать не очень серьезным, хотя на самом деле тема вся серьезная. Вообще – о роли денег в современном мире. Вот мне больше всего нравится такой: деньги – корень всякого зла, то же самое можно сказать и о безденежье. И мне еще нравится такая история – я не помню, я сам придумал или у кого-то списал, но очень мне нравится: деньги не приносят счастья, но очень помогают, когда счастья нет. И надо сказать, еще такой, есть еще такой афоризм, Гёте принадлежит, что вот здоровье – это может иметь прямое отношение к теме: здоровье – далеко не всё, но без здоровья, всё – ничто. То же самое про деньги можно сказать. Они не дают счастья, но, конечно, без них тоже очень сложно жить. Я скажу тезисно за неимением времени, осталось у меня 8 минут: когда хороши деньги, когда они плохи.

Вот считается, что деньги и колесо – два великих изобретения человечества. Это так и есть. Чем хороши деньги?

Во-первых, они облегчают обмен, шкуры на топоры люди меняли на протяжении столетий. Но вдруг вот так придумали деньги. Но они никогда, конечно, люди, те, которые придумали деньги, не думали, что эти деньги из вспомогательного средства станут господствующим инструментом вообще, и главным, так сказать, благом, к которому надо стремиться. Вот это очень важно.

Второй важный момент – это перераспределение денег. Когда они нужны в одной сфере, но там их нет, и они нужны в другой сфере, там, где они есть – возникает кредит. Это удивительное

достижение человечества, и экономика XX века, в значительной мере – ее рост, был определен этим.

Ну, и еще третий момент, на котором я хотел бы особо остановиться, и выступить с легкой критикой, скажем так, позиции, назовем ее «Миркин-Бодрунов» – финансового форсажа. Вообще говоря, деньги как третий положительный момент – это очень хорошее средство для того, чтобы оживить экономику. И все указывает на то, что для нашей любимой родины сегодня как раз такой момент настал. А в чем дело, почему это так? Вот экономика 10 лет находится в неподвижном состоянии, 10 лет. Она и раньше, если в среднем так посмотреть, если вычесть вот эти годы бурного роста цен на нефть, соответственно, бурного роста экономики России, то там будет примерно 0,8% ежегодный прирост экономики на протяжении последней четверти века. Если бы в свое время россиянам сказали, когда они отказывались от противного социализма, что вот, ребята, пройдет 25 лет, но темпы роста будут меньше 1% в год, конечно, это был бы большой скандал для политиков, которые вели нас в хорошие места. Ну вот, так что же такое деньги сегодня для нашей экономики? Вот есть спор между, есть две школы мышления. Одна – Алексей Леонидович Кудрин, системный, или он уже, нет, хотел сказать, не системный либерал. Или системный, теперь уже все равно – придворный. Значит, они считают, что все очень просто. На самом деле инвестиционный климат плохой у нас, очень плохо, что мы с Западом поссорились – и неважно, кто виноват. И очень плохо, что нет у нас хороших проектов. Поэтому что надо делать? Надо стремиться к тому, чтобы инвестиционный климат улучшался – это мы слышим уже четверть века. Можно было спросить у того же Алексея Леонидовича, а что мешало Вам раньше позаботиться об этом самом инвестиционном климате? И сегодня мы наблюдаем картину очень позорную для развитой страны, когда почти 20 миллионов человек не учтены. Они работают, а про них никто ничего не знает. Вообще не знает, а они работают, получают зарплату, детей учат как-то, воспитывают. Но умножить на три, у кого есть жена или муж, или там дети. Это сколько человек получается? Где-то 60 миллионов. Это вообще поразительно. Возникает вопрос, а почему так вот получается? Почему нельзя перевести их из тени на свет? А потому, что все боятся, что вообще тогда экономика встанет полностью и

общем люди это понимают и около 40% работников в развитых странах мира считают свою работу бессмысленной, не приносящей никакой общественной пользы. Только 10% удовлетворены тем, чем они занимаются, считают свою работу общественно полезной.

Одновременно, получив возможность эксплуатировать дешевую рабочую силу, естественно, американские корпорации стали сокращать зарплаты и своим рабочим. И мы можем обнаружить, как с 70-х годов увеличивается расхождение между темпами роста производительности труда и темпами роста реальных зарплат. Реальные зарплаты во всё большей степени отстают от роста производительности труда, а инфляция наоборот, опережает его. То есть все перевернулось с ног на голову. Повышение производительности труда, пусть даже темпы его упали, не приводят к повышению благосостояния большинства трудящегося населения, однако позволяет увеличивать фиктивный капитал, стимулировать финансовые спекуляции и провоцировать пузыри на финансовых рынках. Эти же тенденции, тенденции паразитического развития, привели и к росту социального неравенства во всём мире. Оно выросло не только в США и Европе – мы видим, как стремительно рос этот показатель в Китае. Многие ставят китайскую экономику в качестве примера, в том числе примера России. Там действительно есть, чему поучиться, но есть проблема: стремительный рост китайской экономики сопровождался тот же скорым усилением неравенства в китайском обществе. И главными бенефициарами роста китайской экономики по 15% в год, в некоторые исторические интервалы, были, в первую очередь, китайские олигархи, которые уже догнали американских «коллег» и теснят их на первых строчках журналов «Форбс». При этом простой китайский рабочий куда медленнее увеличивает свое благосостояние, платя за него совершенно неэквивалентную цену, работая часто в тяжёлых, изнуряющих условиях без достаточного социального обеспечения со стороны государства. И к чему это привело? К проблемам самой китайской экономики. Как только спрос со стороны Европы и Соединенных Штатов на китайские товары сократился, темпы роста китайского ВВП упали до 5-6% в год. Да, это всё ещё очень неплохой показатель, например, для России, но динамика отрицательная и прогнозы часто звучат тоже негативные. А почему? Потому что полуторамиллиардный Китай не может заместить собой

капиталовложений. Что характерно, в эпоху роста мировой экономики, в двухтысячные годы, этот рост не сопровождался увеличением инвестиций в сферу ИТ, а наоборот, он сопровождался её сокращением. Это – частный сектор. Но и государство США вело себя не лучше. Если мы посмотрим на динамику бюджетных расходов на научно-исследовательские изыскания в период с 70-х годов по сегодняшний год, то они сократились с 12% до 4% ВВП. Казалось бы, это можно объяснить окончанием холодной войны, отсутствием потребности вкладываться в военные технологии. Но и невоенный сектор НИОКР тоже сократился. Инвестиции в науку, не связанную с оборонной промышленностью, сократились с 6% до 1,8% ВВП.

Одновременно наблюдается и падение темпов роста инвестиций в основной капитал. Если в послевоенные годы они прирастали ежегодно, в среднем на 4%, то в 80-е годы – уже на 2,9, а в последние десятилетия – на 1,8%. Естественно, это влечёт за собой и замедление роста производительности труда. В послевоенные годы оно составляло где-то 3,3%, а в последнее десятилетие – только 1,3%. Использование дешевой рабочей силы подорвало и структуру занятости – как в центре мирового капитализма, так и на периферии. В период с 90-х годов по сегодняшний день наибольший прирост рабочих мест в американской экономике наблюдается в наименее оплачиваемых и в самых низкопроизводительных отраслях. При этом в высокопроизводительных секторах экономики рабочие места почти не создаются или создаются в небольшом количестве. Антропологи отмечают очень интересную тенденцию появления в западном мире так называемых бессмысленных профессий (bullshit jobs). Это бесконечное количество всяких чиновников, контролёров, аудиторов, охранников, корпоративных юристов, людей, которые расставляют баночки на полках в магазинах. Все эти профессии, по мнению антропологов, не несут в себе существенной, общественной пользы, но нацелены на то, чтобы бороться с безработицей. Ведь сокращение количества рабочих мест в западной экономике связано не с тем, что промышленных рабочих Америки и Европы вытеснили роботы. Нет, их вытеснили китайцы. Отсюда – резкий рост безработицы и потребность что-то делать с этой безработицей, чем-то занять людей, чтобы не провоцировать социальные дисбалансы и потрясения. Социологические исследования показывают, что в

окончательно. Ведь это они не от хорошей жизни не работают в нормальном, светлом секторе, а в теневом. Значит, для того чтобы они работали в нормальном и вышли из тени, значит, нужно сделать тот же инвестиционный климат, который бы им указывал на то, что нужно работать здесь. Так вот насчет этого форсажа, я здесь хочу заканчивать. Кажется легко, как в развитых странах, что если сейчас начинать бросать деньги с вертолета, то начнется экономический рост. Или даже если не с вертолета бросать, а просто уменьшать процентную ставку, как многие говорят. Я противник нынешней денежно-кредитной политики страны, но я за то, что они правильно боятся того, что может быть и что происходит в нашей любимой родине. Если, например, в Америке или в Германии, когда нужно ускорить рост экономики, то эта система накачивания деньгами экономики работает всегда. А у нас она не работает, потому что у нас слишком открытая экономика – раз, слишком недиверсифицированная – два, и абсолютно гарантированный результат накачивания экономики деньгами: перевод их либо в импортные товары, либо в валюту. Значит, страна не решается ничего сделать с валютными ограничениями, не делает диверсификацию экономики, и поэтому получается вот такая патовая ситуация. Но есть все-таки, если этот форсаж есть, он должен быть все-таки более точечный. И вот здесь о чем говорил Бодрунов? Он, правильно, этот форсаж должен быть целенаправленный. Но для этого должен быть выбор приоритетов, которые нужно последовательно финансировать. Сегодня же мы видим историю такую, что «всем сестрам по серьгам». Это лучше намного для сохранения статус-кво. Все более-менее счастливы, все более-менее получают какие-то деньги, и все молчат. Но нет никакого аппетита к инвестициям. И вот здесь я хочу привести самый лучший афоризм, самый циничный афоризм всех времен и народов за последнее время, это наше русское изобретение. Оно звучит так. Что такое инвестиция? Ответ: инвестиция – это неудавшаяся спекуляция. В этом очень много смысла. И это краткое выражение господства денег.

То есть, я перечислил три хорошие вещи, что делают деньги.

Теперь – три плохие.

Ну, первая – это мы уже говорили. Когда деньги – хозяин, это – вред.

Второе – это углубление материального неравенства. Это очень важный момент. Вот до кризиса 2008-2009 мир занимался безответственным кредитованием. Барак Обама назвал это культурой безответственности. Когда финансовые институты давали деньги кому попало, потому знали, что теми деньгами, которые получили, они раньше заработали, они как-нибудь отобьются. Но все знали, что этому придет конец. Хотя никто не знал, когда будет «без пяти двенадцать». Или двенадцать. Это ведь вот когда вода кипит, там ты знаешь, при 100⁰С. Там хоть понятно, когда она примерно закипит. А сегодня мы не знаем, когда вода закипит. Мы знаем, что надувается пузырь, но мы не знаем, когда он лопнет. Но каждый думает, что как-нибудь он проскочит. Но так никогда не бывает. Поэтому, надо бы ограничить это совсем. А с другой стороны – пресса, телевидение, СМИ, все заняты этим делом. И все кому-то принадлежат из финансовой номенклатуры, и поэтому никто не хочет особенно над тем, что нужно делать, поработать.

Третий пункт, который самый плохой, я считаю, и морально и политически очень важный, этически плохой – это гипертрофированная роль денег. Для молодых людей – особенно это важно. Я считаю, что крен в сторону неолиберальной доктрины, когда главное – деньги, когда ты должен думать только о себе. Это абсолютно контрпродуктивная для человечества вещь. Потому что, если мы в советское время, для нас, когда я был в вашем возрасте – для нас было неудобно о деньгах говорить и даже опасно как-то, потому что нельзя было показывать, что ты их хочешь иметь. Хотя 90% людей хотели их иметь, но было принято презирать деньги. И это была, конечно, большая глупость, но не обязательно нам было бросаться и в другую крайность, когда деньги – это всё. Т.е., значит – эгоизм чистый. Без всякого альтруизма. Ты не должен думать об общественном благе, ты должен лично о себе думать, о своих деньгах, о зарплате. И тогда ты должен стремиться к этому любой ценой. Здесь уже даже хорошее воспитание, если ты получил от своих родителей, обесценивается. Потому что ты должен в этом мире жить. И это, я считаю, самая серьезная издержка, которую русская трансформация имеет.

Ну, и последнее – что делать?

Только две позиции, которые я хочу назвать, что надо делать.

практически свои источники развития. Если мы посмотрим на динамику нормы прибыли американских корпораций в 70-е годы, то относительно послевоенных лет она упала в 4 раза.

Тогда капитализм нашел выход из этой ситуации и нашел её очень специфическим образом: капитализм стал развиваться не за счет роста инноваций, технологий, научно-технического прогресса, а за счет простого паразитизма. За счет эксплуатации дешевой рабочей силы, за счет еще более жесткого подчинения периферии мировой экономики. Все мы знаем о том, как производства были переведены из Европы, из Соединенных Штатов в Китай, в страну с дешевой рабочей силой. Это привело к стремительному расширению рынка труда в мире и снизило капиталовооруженность рабочей силы в мире на 55-60%. То есть мир за очень короткий промежуток сделал большой шаг назад с точки зрения научно-технического прогресса, не повышая органическое строение капитала, сокращая его. Естественно, это позволило американским корпорациям существенно снизить свои издержки. Импортные цены для американских компаний, для американской экономики резко упали, и если мы посмотрим на динамику последних десятилетий, то обнаружим, что импортные цены для американской экономики росли в 1,6 раза медленнее, чем инфляция в Соединенных Штатах.

Так вот, к чему это все привело? Такая попытка развиваться за счет паразитизма создаёт проблемы в развитии не только у эксплуатируемого элемента, но и у самого эксплуататора. И, в конечном счете, провоцирует такие противоречия в развитии мировой экономики, которые приводят к кризису всей системы. Преимущество дешевого труда снизило интерес американских, да и европейских корпораций к научно-техническому прогрессу.

Обратите внимание на динамику инвестиций в оборудование и программное обеспечение для обработки информации в американской экономике. По сути дела инвестиции в ИТ, в самый передовой сектор современной экономики и науки – этот показатель стремительно рос до 80-х годов, после чего начинается фактически стагнация, которая продолжается по сей день. Да, в 90-е годы мы видим активный приток инвестиций в ИТ в американской экономике, но чем он закончился? Он закончился кризисом доткомов. Фактически, это были спекулятивные инвестиции. И после того, как этот кризис произошел, мы видим стремительное сокращение

Одновременно с этим сокращается значимость такой составляющей мировой экономики, как глобальные цепочки стоимости. Если с 1995 по 2007 гг. доля чистого национального производства в мировом ВВП упала с 86% до 79% (национальное производство замещалось производством в транснациональных корпорациях), то с 2009 года это значение вновь выросло на 2 п.п. Вместе с этим, за тот же период прибыль 700 крупнейших транснациональных корпораций, базирующихся в развитых странах мира, упала на 25%. Вместе с этим параллельно росла прибыль предприятий, ориентированных на национальный рынок.

Естественно, эти тенденции сопровождаются и изменениями в политическом поле. Все мы знаем о протекционистском этапе в развитии мировой экономики. За последние почти 10 лет странами мира было принято около 6000 мер, регулирующих международную торговлю, инвестиции, миграцию. И три четверти из них носили протекционистский характер, и только четверть были направлены на либерализацию международного движения товаров, капиталов, рабочей силы. Лидером современного протекционизма являются Соединённые Штаты. Индия и Россия входят в тройку крупнейших протекционистов мира, однако было бы ошибочно считать, что США заняли это первое место лишь с приходом к власти Трампа с его агрессивной, изоляционистской политической позицией. Ещё в последний период правления Обамы американское государство увеличило количество принятых ограничительных мер с 50 до 150 в год. В первую очередь, против стран ЕС. Естественно, это вызвало ответные шаги со стороны европейских государств.

Санкции против России, рост популярности евроскептиков, Брексит, да в конечном счете, и кризис постсоветской интеграции – всё это говорит о том, что глобалистические тенденции, о которых говорили представители мейнстрима последние десятилетия, наткнулись на свой естественный предел. Вопрос, почему? Ответ на него был дан ещё Розой Люксембург. Известный теоретик марксизма, она говорила о том, что капиталистическая экономика, развиваясь по экстенсивному сценарию, поглощая все большую часть некапитализированного мира, безусловно, когда-то придет к границам своей экспансии. И однажды мир уже подходил к этим границам, это было как раз в 1970-е годы. Тогда капиталистический мир, уткнувшись в границы мира социалистического, исчерпал

Во-первых, надо ввести налоги на краткосрочные финансовые операции; лауреат Нобелевской премии Джеймс Тобин это предлагал. Я думаю, это по-прежнему остается актуальным. Любая краткосрочная операция, даже полпроцента в мире уже привела бы к тому, чтобы финансы были бы в узде.

Ну, и что еще? Конечно, самое ужасное, что произошло – это распространение оффшорных операций. Если мы хотим, действительно, финансы сделать вспомогательным средством для роста реальной экономики, о которой говорил Сергей Дмитриевич, то, конечно, оффшоры должны быть запрещены, в принципе. Потому что налоговая база государств резко ослабляется именно в связи с тем, что они существуют.

(Бузгалин А.В.: Вот этот контрапункт афоризмов этических, я не боюсь этого слова, это даже не благопожелание, а нравоучение и теория – это то, что всегда отличает Руслана Семеновича Гринберга.

Мы продолжаем наш разговор. Елена Анатольевна Ткаченко, доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.)

Е.А. Ткаченко,
профессор кафедры экономики и управления предприятиями
и производственными комплексами Санкт-Петербургского
государственного экономического университета, д.э.н.

(Стенограмма выступления)

Сегодняшняя дискуссия безумно интересная и, на самом деле, на мой взгляд, чрезвычайно важная для нашей экономики. Потому что, в нормально функционирующей экономике финансовый рынок, даже в том виде, в котором он сейчас существует, выполняет важнейшую функцию. Позитивная функция финансового рынка заключается в том, что компании получают доступ при первичном размещении акций при выпуске эмиссий, облигаций, к источникам финансирования, что чрезвычайно важно, и по сути – это единственный инструмент публичного привлечения денежных средств. Компания получает инструменты перераспределения собственности и управления собственностью, что тоже очень важно.

С другой стороны, все мы знаем про наличие денежных суррогатов, финансовых суррогатов, в большом количестве блуждающих на финансовых рынках. Последние лет 50 человечество глубоко заблудилось, идет неизвестным направлением, при том, что финансовый рынок в экономике, которая сбалансирована, выполняет еще и такую чрезвычайно важную функцию – обеспечивает отвлечение лишней наличности из экономики. Поддерживая нормальное функционирование экономики, обеспечивая стабильные перетоки капитала, сдерживая инфляцию и выполняя вот такую замечательную функцию отвлечения лишних средств. Производит замораживание этих средств вне реальной сферы оборота.

В экономике перекошенной, с которой мы сейчас столкнулись, здесь в России, вообще в мире, мы имеем экономику с непропорционально раздутым финансовым сектором, насыщенным необеспеченными, по сути, обязательствами. Стоит вспомнить о том, что по-английски инвестиции в финансовые активы называются фикшн. Это очень важно, важно для понимания реальной

О.О. Комолов,
старший научный сотрудник Института экономики РАН, доцент
РЭУ им Г.В. Плеханова и Финансового университета
при Правительстве РФ, к.э.н.

(Стенограмма выступления)

Уважаемые коллеги, мы заслушали весьма любопытный доклад Сергея Дмитриевича Бодрунова и последующие комментарии именитых профессоров, посвященные проблеме финансовализации. Были описаны противоречия этого явления в современном мире, но остался незатронутым важный вопрос – а какое место финансовализация занимает в структуре, в скелете современной экономической системы? И ответ на этот вопрос дает известный американский политэконом Дэвид Котц, который называет финансовализацию одним из краеугольных камней, одним из столпов неолиберального этапа в развитии капиталистического способа производства, который пришел на смену предыдущему этапу регулируемого капитализма в 70-80-е годы прошлого века. Вторым столпом неолиберализма Дэвид Котц называет глобализацию. Вместе они и формируют этот этап, именуемый неолиберализмом, который сегодня, очевидно, находится в состоянии фундаментального кризиса.

И дело ведь не только в том, что темпы роста мирового ВВП падают уже с 2011-го года. Проблема заключается в том, что это – системный кризис, это – кризис модели, это – кризис производственных отношений. И для того, чтобы его оценить и определить пути выхода из него, можно обратиться к некоторой статистике. Глобализация сегодня, очевидно, уткнулась в пределы своего развития. Обратите внимание на такой показатель, как отношение суммарных глобальных потоков товаров, услуг и капиталов к мировому ВВП. Если в 2007 году это значение достигло своего максимума в 51%, увеличившись на 30 п.п. с 1980-х, то в 2009 году произошло падение в условиях кризиса, а затем отскок, и в дальнейшем последовательное снижение этого показателя, который сегодня составляет 31,7%.

закона о стратегическом управлении и стратегическом планировании. Это закон, который должен быть принят в феврале следующего года. Его два раза откладывали, но так и не приняли. Если его не примут, тогда ситуация будет угрожающая для целостности всего экономического механизма, и никакие полумеры не помогут. Спасибо за внимание.

инвестиции против фиктивных инвестиций. Просто слово «фиктивный» в русском языке имеет резко негативный оттенок. В английском «фикшн» не несет такого негативного оттенка, просто нужно понимать, что если вы вкладываете деньги в фикцию, то по сути, вы вкладываете их в ничто. И вы принимаете на себя ответственность и риски за операции с этими активами, которые, по сути, ничем не обеспечены.

Вот с этой точки зрения современная экономика все больше и больше в финансовой мире превращается в фикшн. В то, что оторвано от реальности, то, что не имеет под собой никакого обеспечения. У меня, к сожалению, нет совершенно времени, чтобы остановиться на презентациях и на прочих вещах, но если мы вспомним то обстоятельство, что капитализация компании Илона Маска «Тесла» превзошла в этом году капитализацию компании «Форд», и сопоставим объемы реального производства «Теслы» и «Форда», то станет понятно, что реальных активов за «Фордом» гораздо больше, чем за «Теслой». Безусловно. Но на рынке фиктивных инвестиций «Тесла» стоит дороже. И вот эти спекулятивные пузыри, которые периодически надуваются на нашем рынке, об этом уже упоминалось, приводят к таким явлениям, как допустим, известный крах на рынке доткомов 2000-го года, когда произошло обрушение, мировые рынки потеряли, в том числе, крупнейшие инвесторы, 2,5 миллиарда долларов в течение двух суток.

Будет ли у нас что-то похожее сейчас? Да, возможно. Аналитики расходятся в сроках, некоторые говорят – ноябрь этого года, некоторые говорят – 18 месяцев осталось, вот. Руководитель крупнейшего хедж-фонда Кен Гриффин считает, что 18 месяцев осталось рынкам. К нему можно прислушаться. Но есть аналитики, которые считают, что все начнется в ноябре. Потому что сейчас начинается долларное цунами, неоправданный рост курса доллара, поддерживаемый определенными процессами, и вот это долларное цунами может обрушить рынки быстрее, чем мы ожидаем. Поэтому мы находимся в ситуации, когда реальная экономика является единственной основой для дальнейшего нормального экономического функционирования нашей экономической модели. Как говорил Карл Маркс, человечество не может перестать производить, потому что оно не может перестать потреблять.

Переход к нооиндустриальному обществу на принципиально новой технологической платформе требует нового подхода к финансированию и инвестированию. Вот того самого финансового прорыва, который нам нужен. Финансового форсажа. Есть ли у нас ресурсы? Совершенно справедливо было отмечено, что есть, и более чем достаточно. Осталось только направить эти ресурсы в правильное русло, а не распорядиться ими так, как распорядились наши финансовые власти во время предыдущего финансового кризиса.

На этом у меня все, спасибо.

(Бузгалин А.В.: Большое спасибо, да, наверное, нам всем надо иногда бывать афористично краткими, и получится то, что надо. Обратите внимание, коллеги, вот на эту постановку, когда мы финансы подчиняем задачам социально-экономического развития, материального производства и человека. Это то, что прозвучало в докладе, то, что опять прозвучало в двух выступлениях, видимо, будет лейтмотивом всего нашего семинара.

Я рад предоставить слово Кайсыну Азретовичу Хубиеву, доктору экономических наук, профессору, Московский государственный университет. Кайсын Азретович как раз – один из тех, кто на протяжении всей своей научной деятельности пишет о реальных инвестициях, реальном секторе, и он очень критично относится к тому, что в книге под его редакцией названо «Долговой экономикой».)

денежных средств для развития материального производства, неравномерность налогообложения, искажение в налоговой системе. Желательно бы обложить, допустим, финансовый сектор в большей степени, следует посмотреть, как учреждаются научно-производственные платформы для сетевого взаимодействия в настоящее время. Например, СПбГЭУ является членом национальной суперкомпьютерной платформы. Но, скажите пожалуйста, в противовес, феодализм данной платформы тоже ведь существует? Кто является (монопольным) разработчиком ПО в данной платформе? Все сведения об этом закрыты, все это остается за кадром; кто управляет, какие у него цели, критерии – тоже непонятно.

Если касаться темы финансиализации, то необходимо рассмотреть пример построения дискретно-ситуационной сети для решения проблемы деофшоризации бизнеса в России. Представим основные моменты для офшорных компаний, банка, ФНС, службы финансового мониторинга. Такие примеры создаются как обучающие для искусственного интеллекта.

Далее с применением мягких вычислений на основе анализа дискретно-ситуационной сети нами были выявлены матрицы рисков и угроз; их достаточно много, это тяжелая, кропотливая работа, которую машина выполняет лучше. Также были выявлены и предложены решения по тому алгоритму, который заложен в ситуационном управлении. То же самое рассмотрено для проблем роботизации. В таком виде можно передавать для дальнейшей автоматизации процессов обработки данных и решения проблем. Это то, что касается основного доклада.

Итак, подвожу итоги. Монополия на управление (со стороны либеральной и рыночной идеологии) пришла к концу, как это уже видно. То есть, механизмы распознавания замыслов, передачи знаний есть, и даже и «говорящие головы» выступают, которые иногда говорят правду о том, что думают. Поэтому технологии распознавания проблем существуют, их надо внедрять уже в институты законодательной власти. Для создания онтологии систем стратегического управления, изменения политики надо использовать логико-лингвистические модели и компьютерную технику, которая имеется в современных технологиях управления. А самое главное – и я хочу, чтобы вы поддержали наши начинания – это принятие

В работе Б.Л. Кукура выделяется три признака проблемных ситуаций первого класса: изменение интенсивности процессов, происходящих в объекте управления; изменение их направления; изменение их содержания. ПС данного класса является следствием нарушения взаимодействия элементов в объекте управления, вызванных, в свою очередь, нарушением хода управляемого процесса.

Проблемные ситуации второго класса вызываются конфликтами в субъект-субъектных отношениях, рассогласованием целей и интересов партнеров, управляемого объекта и субъекта управления и т.д. Проблемы третьего класса вызываются неправильными связями и отношениями в системе, в объекте и субъекте управления, несоответствием имеющихся и необходимых знаний о проблемах у руководства и условиях решения, нарушением эффективности коммуникации и целостности.

Следует особо отметить, что для выявления возможностей и угроз проблемных ситуаций, ведущих к опасности нарушения нормального экономического развития СЭС, управляющая система должна отслеживать с помощью индикаторов своевременность и правильность применения инноваций на всех технологических этапах производственной и продуктовой вертикали и уровнях управляющей структуры и иметь стандарт «правильности» управляющих воздействий. Однако для этого необходимо наличие динамических логико-лингвистических моделей «правильности» и «неправильности» действий, которые можно сравнивать с реальными управляющими воздействиями. Итак, управление – это информационно-логический процесс по идентификации стратегических (тактических, операционных) проблем всего цикла стратегического (тактического, операционного) управления, их предвидения (антиципации) и разрешения.

Соответственно, вводится уже правильное определение стратегического управления через определение его основных функций. Через функции контроля, планирования, организации.

Соответственно, дается определение, допустим, стратегическое планирование – это процесс принятия плановых решений по предвидению, распознаванию и упреждению узких мест, диспропорций в развитии экономики. В частности, те моменты, о чем говорили, мыльные пузыри, кредитные пузыри, нехватка

К.А. Хубиев,
профессор кафедры политической экономии
МГУ им. М.В. Ломоносова, д.э.н.

(Стенограмма выступления)

Добрый день, уважаемые петербуржцы!

Я тоже хотел бы начать свое выступление со слов благодарности организаторам конференции за приглашение и предоставленную возможность выступить.

Начиная обсуждение проблем финансиализации, сразу хотелось бы внести категориальное уточнение, поскольку мы используем некоторую емкую фразу, может быть даже на уровне метафоры. Собственно, экономика страдает не от того, что денег много. Она страдает не от навеса денежной массы, а от всякого рода финансовых инструментов, которые сейчас принято называть деривативами. Теоретически и практически следует разделять «нормальные» деньги, долговые или кредитные деньги, ценные бумаги, и всякого рода суррогатные платежные средства. Тогда мы точнее будем определять направление критики финансиализации и, соответственно выработки экономической политики ее преодоления. Такое уточнение позволяет определить, что именно в направлении умножения видов и форм ценных бумаг содержится основная проблема финансиализации экономики. За каждой формой новой ценной бумаги тянется целый шлейф неприятных вещей. Во-первых, для обеспечения их оборота отвлекаются деньги, которые могут быть использованы в реальном секторе, в том числе – для целей инновационного развития. Во-вторых, каждый вновь появляющийся вид ценной бумаги «притягивает» новую форму доходов без создания эквивалента реальных благ. И приходится удивляться, сколько еще экономика может выдержать появление ценных бумаг, которые обременяют общество тем, что притягивают к себе все возрастающую часть общественного дохода без эквивалентного встречного потока.

Далее хотелось бы внести уточнение в разграничение реального и финансового сектора.

Отечественная статистика определяет финансовый и нефинансовый сектор по ведомственному признаку: банки – финансовый сектор, заводы – нефинансовый сектор. Точнее будет проводить это разграничение на основе кругооборота капитала. Если завод на свою прибыль или оборотные средства приобретает ценные бумаги, в этой части своей деятельности он не может быть отнесен к реальному сектору.

Теперь обратимся к практической части этой проблемы. Когда Трамп, начиная свою деятельность в качестве президента, решил отказаться от транстихоокеанского партнерства, многих это крайне удивило. Ведь этот крупный международный проект создавали его предшественники для того, чтобы продвигать американские товары на азиатско-тихоокеанский рынок. А в совокупности с другим проектом (трансатлантическим) перепланировалось создать миропорядок с абсолютной мировой торгово-экономической гегемонией США. Подумалось даже – неужели новая американская элита вдруг решила отказаться от мирового экономического господства? Оказалось, нет. Выбран просто другой путь и другие средства продвижения к той же цели. Позже выяснилось, что Трамп сделал основную ставку на реальный сектор американской экономики. Это подтвердилось его последующими шагами. Он резко сократил налог на прибыль корпораций, освободил корпорации от давления экологических требований, создал внутренние офшоры, ввел ускоренную амортизацию в важных секторах и т.д. Он просто сделал ставку на мировое экономическое господство через реальный сектор, предоставив ему возможность завалить мир более дешевыми и качественными товарами. Конечно, он решал и внутренние проблемы, и о внешних рынках не забывал. Но основной акцент был направлен на поддержку реального сектора.

Это – хороший урок для российского руководства, у которого приоритеты имели иное направление. Годами и даже десятилетиями на уровне фронтовых сводок проявлялся интерес к трем основным проблемам: фондовый рынок, денежный рынок, валютный рынок – вместо того, чтобы очевидно и четко сделать серию правильных шагов в направлении поддержки реального сектора.

В этой связи я хотел бы сказать добрые слова в адрес института имени Витте, который организовал этот наш семинар.

Так, для любой развивающейся (изменяющейся) системы возникновение проблемных ситуаций вызывает угрозу целостности и безопасности. Целостность, безопасность требует организации процесса интеграции — формирование эффективной целостности. Качество плановых, координационных и организационных решений зависит от методов познания, т.е. процесса моделирования и методологического обеспечения. Нами предлагается семантическая двухуровневая модель национальной инновационной системы в экономике РФ.

Далее представим семантическую модель формирования инновационной активности предпринимательских структур.

Но здесь уже выступает, в первую очередь, конечно, планирование не в результатах действия, как это было принято в досимиотическом подходе прошлого века, например, в сбалансированной системе показателей, а именно в разрешении (антиципации) проблем и ситуаций. А для этого нужно вернуться к истокам и понять концептосферу стратегического управления, перевести функции стратегического управления в логико-лингвистические модели управления, и именно этим наш институт сейчас и занимается: создается онтология стратегического управления и планирования.

С управленческих позиций планирование – это важнейшая базовая функция стратегического управления, которая определяет цели системы и способы их достижения. Основное управляющее воздействие (УВ) на элементарный объект (ОЭ) управления осуществляется именно через планирование.

Нормативной базой является Федеральный закон от 28 июня 2014 г. №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». В настоящее время ведутся большие разработки для поддержания, методологического обеспечения ФЗ 172 «О стратегическом планировании». Однако есть угрозы, что его «похоронят» в феврале следующего года.

Отметим, что рискореализующая технология информационного обеспечения в планировании была разработана еще в 80-е годы прошлого века в системах ситуационного управления (В.В. Рохчин, А.Е. Карлик, Б.Л. Кукор и др.). Тогда же в работе Кукора Б.Л. было выделено три класса проблемных ситуаций в сегодняшней теории адаптивного управления.

в управлении и познании)) и, как следствие, угроза потери монополии власти/управления.

4. Выделение в части общества демографически обусловленных, а не дегенеративных (паразитических) потребностей.

5. Лицемерие финансовой элиты, которое можно проследить на слайдах, позаимствованных из доклада Изборского клуба 2016 г. Можно выявить рост денежной базы в Великобритании (на +625% за 5 лет с 2008 по 2013 гг.), США (+340%), Японии (+185%), в то время как Вашингтонский консенсус дает совсем иные рекомендации правящей российской элите. Также это заметно при сравнительном анализе динамики ВВП РФ от изменения уровня ставки Банка России.

Концептуальный подход к созданию системы управления рисками с учетом возможностей развития СЭС должен обеспечить такой уровень развития её потенциала безопасности, который может облегчить синтез имеющихся и накопленных возможностей.

Стратегическое управление предполагает наличие стратегического контроля и трёх взаимообусловленных процессов принятия решений: плановых, координационных и организационных. Соответственно, вся такая же работа продолжается, мы получаем после программной обработки теоретическую модель проблемной области и предлагаем уже так называемые лингвистические модели, как указано на слайдах, для развития национальной инновационной системы. Здесь перечислены, конечно же, не все, а только маленькие.

Отличительная особенность предлагаемой инновационной системы: а) она двухуровневая, значит, имеет систему управления как таковую; б) задается управленческий контур для принятия управленческих решений; в) выделяются точки роста как «тянущие» и толкающие силы инновации.

Такой подход может в себе заключать именно система стратегического планирования экономики. Соответственно, для этого понимаются как угрозы для развития любой экономической системы, это угроза целостности и безопасности. То есть мы вводим понятие интегрированной целостности социально-экономической системы.

С момента создания института им был поставлен вопрос о развитии реального сектора экономики, причем в инновационно-технологически-революционном ключе. И в этом смысле ИНИР им. Витте был создан не конъюнктурно, а стратегически. Это выразилось и в названии института, и проявилось во всех последующих мероприятиях: и конгрессах, и конференциях, и семинарах, и на сегодняшнем семинаре тоже.

У российского руководства был (и есть еще) шанс последовать примеру Трампа. Хотя бы со значительным запозданием опереться на отечественных ученых и практиков для решительного разворота экономической политики в сторону развития реального сектора на инновационной основе для решения задач научно-технического и социального прорыва, как это заявлено в майских (2018) указах Президента РФ.

Далее хотелось бы обратить внимание на новые угрозы и новые проблемы. Проблема финансиализации экономики обсуждается довольно-таки давно. Но появились новые угрозы, которые еще не изучены, но в них тоже надо бы разобраться. Одной из главных претензий со стороны внутренней критики к экономическому мейнстриму является упрек в ослаблении его прогностических возможностей. В частности, основное течение критиковалось за то, что его представители не предсказали появление последнего кризиса и возникновение криптовалюты. А она не только появилась, но начинает выполнять все функции денег. Более того, уже претендует на функции капитала в виде ростовщичества, спекулятивных сделок с криптовалютами. Это еще совершенно не изученная область, таящая новые вызовы и угрозы по линии финансиализации. Приходится слышать и читать о том, что за этими криптовалютами стоят только какие-то сложнейшие безымянные компьютерные технологии. Но так быть не может, чтобы за всеобщей формой общественного богатства, каковыми являются деньги в любой их форме, не было конкретных имен без персонифицированных целей и интересов. Возможны новые угрозы, может быть, даже более серьезные, чем от деривативного размножения ценных бумаг. В этой связи хотелось бы позволить себе небольшой теоретический сюжет для объяснения этой ситуации. Сергей Дмитриевич в своем докладе говорил об этапах развития денег. Все этапы развития денег подчиняются одной

закономерной линии – деньги появились на свет как всеобщая форма общественного богатства. Где в единичном представлено всеобщее. И все этапы развития денег – это есть развитие этой их всеобщей сущности. Сперва они сбрасывали с себя товарную форму, превращаясь в бумажные, потом – в электронные, и т.д. Восходя по ступеням развития, деньги все больше и больше продвигались в доказательстве привилегированного положения своей всеобщности, где в единичном (деньги) представлена всеобщность (прямая обмениваемость на все многообразие благ). Но на этом магистральном пути развития денег происходят и ложные выбросы в виде фальшивомонетничества, суррогатов с функциями денег. В этой связи природу криптовалют еще следует определить, чтобы заранее представлять угрозы и меры их предотвращения.

Возникает вопрос, является ли а) криптовалюта последним этапом в историческом развитии денег в движении к своей сущности, и б) где пределы всеобщности. Представляется, что эти пределы находятся в рамках всеобщих форм существования материи – пространства и времени. То есть в любом пространстве и в любое время деньги должны иметь способность превратиться в любую конкретную форму общественного богатства с абсолютной мобильностью, портативностью, защищенностью, масштабно делимостью и сложимостью, и т.п. Появление криптовалют – это тоже один из этапов движения денег к своей всеобщности, и едва ли последний. Здесь обнаруживается еще одна интересная деталь. Препградой в движении денег к всеобщности в свое время явилось то, что движение денег и даже их функции оседлало государство, которое декретировало деньги.

Так вот, криптовалюта обходит государство и самостоятельно стремится утвердить себя в структуре мировой и национальных экономик. Что за этим следует? С одной стороны, может быть, деньги в виде криптовалют освобождаются от какой-то излишней опеки государства, но, с другой стороны, появляется неконтролируемая сила, которая потом может нанести тяжелые удары по экономике. Вот здесь есть серьезный пункт для теоретических исследований, и мне кажется, мы должны будем к этому приступить.

Далее, я хотел бы от сугубо теоретического сюжета перейти к драматическому, практическому сюжету. Сергей Дмитриевич в

через процедуры мониторинга, диагностики существующего положения вещей). Таким образом, возникновение проблемных ситуаций – это закономерные диспропорции, узкие места, конфликты и т.д., глубина и масштабы которых зависят от структуры предприятия как социально-экономической системы, т.е. происходит неконтролируемый рост угроз экономической безопасности предприятия.

В определении риска/угрозы появления так называемой проблемной ситуации можно применять данный подход для анализа в системе стратегического управления и планирования экономики. Здесь затрагиваются некие проблемы и ситуации, которые были уже выявлены, и сейчас в нашей научной школе делаются их прообразы, прототипы для их разрешения, примеры для последующей их передачи программистам для оцифровки.

Такой способ логико-лингвистического моделирования уже существует порядка 20 лет, а для распознавания угроз проблемных ситуаций создано множество программных средств и модулей – все это дорогостоящие проекты федерального масштаба, примеры которых указаны на слайдах. Стоит отметить, какие проблемные ситуации могут возникать и в цифровой экономике, и в финансовом секторе.

Покажем основные проблемные ситуации в рамках темы доклада:

1. Непропорционально высокий рост доходов богатых слоев населения в России по сравнению со средним уровнем зарплаты.

2. Диспропорции в уровне производительности труда и образования, а именно: сохранение 8-часовой продолжительности рабочего дня, несмотря на достижения НТП, научную организацию труда и роботизацию (при эффективной продолжительности трудового дня 4 часа). Затем – отсутствие роста покупательной способности рубля. Далее – создание искусственных потребностей (в нематериальной сфере) в обществе потребления, или «потребительский статус». Исключение целей конкуренции в сфере глобального управления; так, у человека не должно появляться свободного времени для самообразования и воспитания детей.

3. Потеря монопольной власти и потребности общества в либерализме. Налицо уже следующие факты: невозможность монопольной власти над знаниями (в рамках когнитивного подхода

сетевое взаимодействие (Д.А. Поспелов, Б.Л. Кукор, Г.В. Клименков, В.В. Рохчин, М.Б. Игнатъев).

Мы развиваем в нашей научной школе логико-лингвистическое моделирование процессов для решения тех проблем и ситуаций, которые были обозначены Сергеем Дмитриевичем в своем докладе. Я кратко покажу способ разрешения проблем и ситуаций, так, как оно выглядит, потому что все это, конечно, делают соответствующие программы, включая ИИ, разработанные в Институте Программных Систем РАН в Переяславле-Залесском. Технологию когнитивного управления можно условно показать на соответствующих алгоритмах, т.к. они не касаются самого программирования.

Посмотрим на слайды. И, опираясь уже на теорию развития систем, нужно сказать, что в настоящее время главным концептуальным подходом является применение теории закономерности больших систем для управления социально-экономической системой. Современные исследования по теории систем позволили выделить черты, общие для систем различной природы. Одной из этих черт является наличие элементов сложных проблемных ситуаций. Следовательно, для эффективного функционирования социально-экономической системы (предприятия) необходимо своевременно выявлять указанные элементы и их нейтрализовывать, либо предупреждать их воздействие. Теория управления развивается за счет когнитивных методов психолингвистики и когнитивной лингвистики, и нужно сказать, что управленческое мышление руководителя – это основной вид интеллектуальной деятельности.

Так, управленческое мышление руководителя организации направлено на восприятие угроз возникновения проблем, таким образом формируется опережающая стратегия, антиципация – предотвращения либо разрешения проблемных ситуаций (Поспелов Д.А., Карлик А.Е., Кукор Б.Л., Клепикова Т.А., Болдырев Н.Н., Болотова Л.). Также вводятся соответствующие понятия (концепты) уже в онтологию стратегического управления. Здесь они будут еще появляться в докладе, тоже можно будет ознакомиться.

Поговорим об определении сущности проблемных ситуаций, которые возникают, если реальное состояние предприятия значительно отклоняется от равновесного значения (выясняется

конец своего доклада поставил самый важный вопрос. Где взять деньги для научно-технического прорыва? В чем состоит драматичность ситуации при поиске ответа на этот вопрос? Четверть века назад руководством страны было взято на вооружение положение о том, что в нашей стране существует неэффективная государственная экономика, и стоит нам государственные ресурсы передать частным лицам, как появятся индивидуальный интерес, который возбудит конкуренцию, появится предпринимательская состязательность, наперебой будут создаваться инновации, ибо конкурентные преимущества обеспечиваются, прежде всего, инновациями. И вот этот негосударственный сектор, «заведенный» силами частного интереса, двинет технологии вперед, и мы окажемся в научно-техническом шоколаде.

В сказанном нет преувеличений. Так рисовалась картина, когда государственную собственность превращали в негосударственную. Прошла четверть века, а репа не растет. Теперь обратимся к основной сути последних майских указов Президента РФ. Основная суть и цель: научно-технологический прорыв! А за счет чего? Я возвращаюсь к вопросу Сергея Дмитриевича. Уже государство, не надеясь на частный сектор, на себя берет функцию технологического прорыва. Но оно уже лишилось основной доли ресурсов. Поэтому возникает очень большой вопрос о реализуемости этих указов Президента РФ. Но поставленные цели и задачи являются жизненно важными для судеб страны, поэтому источники, ресурсы надо изыскивать. В силу исключительной важности вопроса выскажу свои суждения, некоторые из которых могут показаться острыми и даже провокационными.

Предварительно – один общий тезис. Для существенного изменения ситуации с источниками решения важнейшей задачи национального значения необходимо существенное изменение экономической политики, а последнее требует изменений в отношениях собственности и главных потоках доходов.

1. Предлагая изменения в отношениях собственности, мы не имеем в виду возврат к тотальной национализации. Это невозможно и неэффективно в уже сложившихся условиях. Раз частный капитал, которому отданы государственные ресурсы четверть века назад, не справился с проблемой технологического прогресса, государство должно набраться политической воли и совершить другую акцию в

том же масштабе, в каком проводилась приватизация. А именно: приватизированные прежде предприятия объявить объектами открытого инвестиционного конкурса с конкретными научно-техническими заданиями и с учетом отраслевой специфики. Дополнительные инвестиции инновационного характера должны быть критерием конкурсного состязания претендентов, каковыми могут быть прежние хозяева, новые отечественные и зарубежные субъекты, а также и государство. Если этот конкурс выиграют прежние собственники, такое тоже может быть, тогда флаг им в руки для реализации их инвестиционных обязательств. Если эти конкурсы выиграют новые субъекты, то они должны будут прежним собственником выплатить те средства, которые они затратили при приватизации этих объектов. Это не схема «отнять и поделить». Смысл в переходе ресурсов к инновационно мотивированным и состоятельным субъектам с компенсационными выплатами прежним собственникам.

2. По нашему убеждению, одна из главных проблем развития нашей экономики и даже фактор торможения – это глубоко эшелонированная коррупция. Уже крадут миллиардами. Причем эти миллиардные коррупционные дела, о которых мы узнаем, составляют только вершину этого айсберга, хотя эта система пронизывает всю нашу экономику и тормозит ее развитие. Здесь пока нет готовых экономических рецептов, и нужно развернуть институционально-правовые и политические средства.

3. Переток созданных в стране доходов безвозвратно за рубеж. Не в виде только офшоров, а в виде инвестиционных вложений, приобретения имущества, банковских вкладов и приобретения ценных бумаг. Здесь ограничимся примерами. Сейчас Роман Абрамович пытается продать «Челси» за 3 миллиарда долларов. Недавно «Комсомольская правда» опубликовала стоимость имущества наших олигархов самого крупного ряда, где яхты стоят до полумиллиарда долларов. И это опять – только вершина айсберга. И эти средства следует переключить на решение задачи технологического прорыва.

4. Следует перенаправить основные денежные потоки. При физиократическом взгляде на экономику России представляется картина, где совокупный труд в народнохозяйственном комплексе выливается в денежные потоки, которые утекают вовне,

будет соответствующая лекция 8 октября, в этом же зале. Помимо того, существует ограничение цифровизации экономики такого, скажем, материального (ресурсного) свойства, как земля, вода, нефть, воздух, солнце, энергия, люди, природа (ее загрязнение), все виды сырьевых ресурсов. Акцент на развитии вот такого системного, экологического подхода, его уточнение когнитивными методами для анализа пределов цифровой экономики является идеей, сутью данного доклада.

Значит, соответственно, можно сказать, что у финансового капитала, как такового, есть механизмы развития и поддержания за счет тех налогово-бюджетных политик, преференций трансграничного передвижения (спекулятивного) капитала, именно в банковском секторе, с помощью институтов влияния, результаты действий которых в значительной мере видны в рамках анализа фискальной политики (сведения об оттоке капитала и уровне налогообложения финансового сектора наряду с налогообложением факторов производства и труда), либо когнитивного (явно видно применение известных деструктивных мер и гибридных технологий информационной войны). А противопоставить здесь можно информационно-сетевое стратегическое управление экономикой, планомерность стратегического управления и координацию взаимодействий на всех ярусах управления. И здесь необходимо внести ясность и избавиться от лицемерия в определении многих понятий, т.е. в то, что является критерием для управления экономикой (в т.ч. ее цифровизацией). Его следует четко обозначить – это и будет повышение качества жизни всего населения, а не только одной правящей элиты, составляющей меньшинство населения.

Согласно указанным вехам развития экономики, можно условно разделить все подходы к управлению на два этапа.

Во-первых, это досемиотический подход к управлению (II, отчасти III технологический уклад экономики по С.Ю. Глазьеву, Н.Д. Кондратьеву).

Во-вторых, это семиотический подход к управлению (когнитивные методы, логико-лингвистическое моделирование (ЛЛМ), искусственный интеллект, НБИКС-технологии, теория адаптивного управления) – цифровая экономика, информационно-

**Е.А. Яковлева,
профессор кафедры экономики и управления
предприятиями и производственными комплексами
Санкт-Петербургского государственного экономического
университета, д.э.н.**

(Стенограмма выступления)

Здравствуйтесь, дорогие коллеги!

Продолжая нашу дискуссию по вопросам «Финансализация и динамика капитализма», хочу дополнить, что любая стратегия реализуется на основе соответствующей политики. И, как отмечено в докладе Виктора Владимировича Иванова и на предоставленных им цифровых данных, можно сказать, что увеличение роли финансового капитала в объеме ВВП за последние годы – это основная черта капитализма, которая отражает увеличение власти финансового и монополистического капитала в формировании экономической прибыли в региональной (глобальной) экономике, что и показано на графиках «Совокупный финансовый результат по итогам 2015-2017 гг. в РФ» уже в моем докладе «Пределы цифровизации и финансализации в реальном секторе экономики: контур управления и распознавания рисков и угроз».

Также подчеркну, что прибыли финансового сектора в 1998-2007 гг. в России составляли около 33% от совокупной внутренней прибыли, в 2001-2003 гг. превысили 40%, а сейчас прибыль российских банков составляет порядка 930-1000 млрд. руб. (ориентировочно за 2017 гг.), конкретные цифры есть на слайдах.

На слайдах можно внимательно рассмотреть поведение 500 крупных промышленных компаний, зафиксировать внимание на расслоении населения по индексу Джинни и динамике оттока офшорного капитала из России. Внеся ясность в преобразование отраслевой структуры промышленного производства, а именно – в динамику изменения в процентном соотношении выпуска продукции в реальном секторе экономики, опираясь на конкретные цифры, можно сказать, что есть так называемые и математические пределы развития цифровой экономики. В нашем Доме ученых

материализуясь за рубежом в недвижимость, бизнес, спортивные клубы и т.п. И здесь требуется государственная воля. К сонму олигархов надо обращаться не как к священным коровам, а хотя бы как к резидентам страны. Ведь миллиардные состояния они нажили, не продвинув человечество (как Билл Гейтс, например), а потому, что им государство дало весомо отщипнуть от народного пирога. Теперь «благодетель» имеет основания призвать своих «подданных» на помощь в осуществлении великой цели развития страны посредством научно-технических инновационных инвестиций.

5. Государство имеет право и даже обязано от имени народа присваивать все доходы рентного и монопольного происхождения, включая алкоголь.

6. Следует подумать о методах привлечения средств населения, обременяя налогом нахождение денег у лиц сверх вмененного лимита и поощряя инвестиционное приложение денег как субсидиями, так и льготными условиями приобретения продукции инвестируемых предприятий реального сектора.

Осознавая дискуссионность некоторых положений, хотелось бы заметить, что стоящие перед страной задачи столь важны, для их решения следует вести обширный поиск и научные обсуждения, чему безусловно способствует и данный семинар.

(Бузгалин А.В.: Спасибо, Кайсын Азретович. Вот Руслан Семенович на вас готов наброситься. Но, я думаю, мы в конце дадим возможность несколько реплик нашим основным дискуссионкам сформулировать и друг для друга, и по отношению к нашему главному докладчику, профессору Бодрунову. А пока давайте послушаем все выступления. Может быть, возникнет желание спорить у Руслана Семеновича не с Хубиевым, а с кем-нибудь еще, да? Или наоборот, только с Хубиевым и никак иначе. Хорошо? Мы идем по программе. Иванов Виктор Владимирович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Теории, кредиты и финансовый менеджмент» Санкт-Петербургского государственного университета. Подготовиться Яковлевой Елене Анатольевне.)

В.В. Иванов,
заведующий кафедрой теории кредита и финансового
менеджмента Санкт-Петербургского государственного
университета, д.э.н., профессор

(Стенограмма выступления)

Уважаемые коллеги, тема моего выступления – «Значение финансового капитала в обеспечении экономического роста».

Я хотел бы остановиться на двух вопросах.

Первый вопрос касается финансирования экономики; второй вопрос связан с инвестиционной политикой.

Исторически, вплоть до 80-х годов прошлого столетия основной задачей финансового капитала являлась, прежде всего, поддержка реального сектора и обеспечение экономического роста. Ситуация начинает меняться в 80-90-х годах, когда доходность в финансовой сфере возрастает и, соответственно, финансовый капитал начинает быстро расти. С чем это связано? Прежде всего, рост финансового капитала связан с развитием международного рынка капиталов, первое. Второе, о чем уже говорилось сегодня в предыдущих выступлениях – это появление новых, высокодоходных финансовых инструментов на финансовых рынках и переориентация денежного хозяйства на небанковские финансовые институты. Данные процессы сопровождалась нарастанием рисков в функционировании финансового хозяйства, ростом зависимости банков от рынков капитала по сравнению с традиционным депозитарным фондированием.

Термин «финансализация» как процесс характеризуется не только доминированием финансового капитала над капиталом реального сектора, о чем говорил Сергей Дмитриевич, но и насаждением финансовым сектором законов не только для бизнеса, но и для всего общественного хозяйства, которые позволяют финансовому капиталу генерировать более высокие доходы, что, кстати, тоже было затронуто в докладе. Это – очень важный момент. Именно борьба за власть, а не только за прибыль, лежит в основе функционирования современного финансового капитала. На мой

в 3 раза. Полагаю, что налог на прибыль было бы целесообразным в России заменить налогом на потребленные материальные ресурсы и прочие расходы, включаемые в структуру себестоимости продукции, работ, услуг.

Благодарю за внимание.

(Бузгалин А.В.: Да, Виктор Владимирович, во-первых, вам огромное спасибо, давайте поаплодируем нашему коллеге. И тут в президиуме – подождите, не уходите – вопреки всем правилам, родился мощный вопрос: а что такое политические банки? Мы впали в недоумение.)

Термин «политические банки» взят мною из китайской практики. Это – те банки, которые призваны решать задачи развития отдельных отраслей, видов деятельности.

(Бузгалин А.В.: Просто в Китае «политическое» понимается немножко по-другому, чем у нас. Там государство, оно же политика, оно же, да, промышленно...)

Мы издали учебник, который называется «Финансовая система Китая». Там очень много материала по поводу банковской и налогово-бюджетной систем Китая.

(Бузгалин А.В.: Слушайте, подарите, вот прямо слезная просьба).

Обязательно.

(Бузгалин А.В.: Вот так я выпросил книжку на правах модератора. Хорошо, спасибо большое, это действительно очень важно, потому что финансовая система Китая – это очень интересный феномен и поучительный во многом феномен. Хотя копировать ничего нельзя, но учиться на опыте, тем более успешном опыте, необходимо. Мы продолжаем наш разговор. Елена Анатольевна Яковлева, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики управления предприятиями Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Подготовиться Олегу Олеговичу Комолову.)

На мой взгляд, России нужны такие финансово-экономические механизмы, которые позволили бы увеличивать денежную массу. Сокращение же денежной массы будет усиливать негативные процессы, которые уже накопились в нашей стране.

Несколько слов скажу по поводу налоговой и амортизационной политики. Сегодня уже говорилось о налоговой политике Трампа, о резком снижении налоговой ставки на прибыль и в целом более льготной системе налогообложения для реального сектора американской экономики. Необходимо отметить и изменения в амортизационной политике. Для ряда видов деятельности американским компаниям разрешено списывать на себестоимость в текущем финансовом году до 100% стоимости вновь приобретенных основных средств. Таким образом, высвобождаются большие амортизационные ресурсы, которые можно использовать на развитие. Полагаю, что этот опыт было бы целесообразно использовать и в России.

В России для стимулирования инвестиционной активности предусмотрены налоговые льготы и другие налоговые преференции. В 2018 году объем этих налоговых льгот составит порядка 3 триллионов рублей; объемы же инвестиций, осуществляемых компаниями, получающими налоговые льготы, несопоставимо меньше. Значительная часть налоговых льгот инвестиционного характера сегодня идет на потребление, а не на развитие предприятий. Представляется, что следует использовать иные, более эффективные механизмы налогового стимулирования. Например, инвестиционные налоговые вычеты. Осуществил инвестиции в реальном секторе экономики – получай льготу. Нет – значит, не получаешь льготу.

Теперь – по поводу налоговой системы РФ.

Я убежден в том, что нужно менять в России отношение к налогу на прибыль. Сегодня финансовая отчетность многих компаний, мягко говоря, не совсем достоверна. Посмотрите статистику последних пяти лет, касающуюся динамики поступлений от налога на прибыль. ВВП растет, поступления от налога на прибыль падают. ВВП падает, поступления от налога на прибыль растут. Дать внятное объяснение этому факту сложно. Опыт Эстонии показал, что после исключения из налоговой системы налога на прибыль количество убыточных предприятий сократилось

взгляд, финансовый капитал, прежде всего, преследует получение доступа к власти. Власть позволяет получать и прибыль, и все остальное.

Накопление капитала в финансовой сфере также связано с созданием своеобразных финансовых холдингов, которые создаются на микро-, макро- и мезоуровнях, включая создание различного рода фондов. Появление новых финансовых инструментов сопровождается, как правило, дерегулированием финансовых рынков и, соответственно, возникновением дополнительных рисков, которые неизбежно ведут к различного рода кризисам. Если на первых этапах финансовализация способствовала экономическому росту (прежде всего, в Соединенных Штатах Америки), то в дальнейшем, когда значительная часть денежного оборота начала работать на финансовый капитал, темпы экономического роста начинают падать.

Как обстоят дела с финансовализацией в России?

На мой взгляд, в России процесс финансовализации находится в зачаточном состоянии. На чем основаны такие суждения? Прежде всего – это низкий уровень развития финансового рынка. Многие финансовые инструменты, которые активно используются сегодня на зарубежных финансовых рынках, у нас используются эпизодически. В то же время финансовому сектору в Российской Федерации предоставлены большие полномочия в области макроэкономического регулирования. Прежде всего, речь идет о Центральном Банке Российской Федерации. Политика Центрального Банка слабо учитывает, а зачастую и игнорирует интересы реального сектора экономики. Сегодня говорилось о том, что политика сдерживания, проводимая Центральным Банком РФ, имеет под собой объективную основу. Я не очень с этим согласен, почему? Политика Центрального банка РФ по уменьшению денежной массы посредством установления высоких значений ключевой ставки ведет к рецессии в экономике и, как следствие, к уменьшению доходов населения и – снижению инфляции. Такой способ «борьбы» с инфляцией, которая в Российской Федерации во-многом носит немонетарный характер, вряд ли можно признать приемлемым. Мы прекрасно знаем из теории о том, что увеличение на 1% процентной ставки ведет к падению ВВП на 0,3%. Это статистика не российская, это – статистика мировая. Увеличение и так высокой ключевой

ставки, которое осуществлено недавно ЦБ, видимо, опять приведет к росту процентных ставок. Понятно, что ничего хорошего для нашей российской экономики это не сулит.

Процессы, которые происходят на финансовых рынках РФ, сопровождаются постоянным оттоком финансового капитала за рубеж. Частично он возвращается в виде иностранных инвестиций.

Чем же характеризуется современный этап финансовализации российской экономики? Прежде всего, низким уровнем инвестиционной активности.

Статистика инвестиций в основной капитал, большинство из вас это знает, свидетельствует о том, что за последние 4 года объемы инвестиций не превышали 19% ВВП. Это – уровень, который не позволяет расти ВВП больше, чем в 2% годовых. Для стабильного же роста на уровне не менее 3-4% годовых объемы инвестиций должны составлять как минимум 28%. Для осуществления финансового форсажа объемы инвестиций, по примеру Китая, должны составлять порядка 45-46% ВВП.

Есть ли такие ресурсы в России? Сегодня говорили о том, что такие ресурсы имеются. Я не убежден в этом. Я не могу четко сказать, где либо у кого имеются такие объемы финансовых ресурсов, которые можно было направить на развитие экономики. Те ресурсы, которые появляются, почему-то убегают на Запад.

Представим структуру инвестиций в основной капитал по источникам финансирования. Наибольшие объемы инвестиций – это собственные средства компаний (порядка 51%); 49% – это привлеченные средства. Из этих привлеченных средств 16% – это бюджетные средства. А кредитные ресурсы составляют всего порядка 10%.

Рассмотрим факторы, которые ограничивают инвестиционную деятельность. Вот данные Росстата, о чем они говорят? Прежде всего, обратите внимание на два наиболее важных показателя, которые сдерживают инвестиционную активность. Это неопределенность экономической ситуации в стране и недостаток собственных средств у компаний (61% опрошенных). Следующие факторы – высокий процент коммерческого риска (56% опрошенных) и, соответственно, высокие инвестиционные риски. Сюда же можно отнести и сложный механизм получения финансовых ресурсов.

Несколько слов по поводу объемов и субъектов кредитования. Объемы кредитования субъектов экономики в последние годы уменьшаются – и, прежде всего, уменьшаются для некредитных организаций. Какие сектора экономики все-таки привлекают кредитные ресурсы? Это – те сектора экономики, которые пользуются государственной поддержкой. В частности, сельское хозяйство, добывающая промышленность и такой вид деятельности, как ипотечное кредитование. Сегодня за счет бюджета идет субсидирование процентной ставки ипотечных кредитов. Где основные объемы ипотеки? Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Тюмень – регионы с наиболее высокой средней заработной платой. За счет налогов, которые собираются по крошечке со всех, субсидируются более состоятельные в финансовом отношении лица. Вряд ли такую политику можно признать обоснованной.

Теперь по вопросу, который обсуждался сегодня, относительно финансового форсажа. Нужен или не нужен финансовый форсаж? На мой взгляд, форсаж финансовый, безусловно, нужен. Одновременно необходимо сокращать объемы теневой экономики, повышать заработную плату. У нас 19,3 миллиона работающих – это последние данные, которые озвучил А. Кудрин на заседании Госдумы – до сих пор имеют доходы ниже прожиточного минимума. Это – весьма тревожная социально-экономическая ситуация, которая сложилась в стране. Затягивание решения вопроса об осуществлении финансового форсажа ни к чему хорошему не приведет. Процедуры финансового форсажа проходили не только европейские страны. Есть опыт и азиатских стран. Понятно, что все эти процессы накладывают и различного рода ограничения, которые связаны и с движением капитала, и с поведением хозяйствующих субъектов. Без этого невозможно обойтись. В мире накоплен значительный опыт решения прорывных вопросов в экономике. Так, в Соединенных Штатах Америки, в Японии заслуживает внимания опыт осуществления денежно-промышленной политики, позволивший решить многие вопросы развития определенных высокотехнологичных секторов экономики. Нужно учитывать и опыт Китая в проведении денежно-кредитной политики в условиях значительной дифференциации экономического развития отдельных регионов.